

**ДИВАННАЯ ОБОРОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ**

**Майор К. А. Нетте
Ея Высочества Принцессы Патриции
Канадский лёгкий пехотный полк**

**ВЗЛЁТ, ПАДЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ
«ЭММЫ ГИЗ»**

Перевод с английского RostislavDDD

**RuNET
2025 г.**

**ДИВАННАЯ ОБОРОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ**

The Rise, Fall, & Rebirth Of The «Emma Gees»

by Major K.A. Nette

Princess Patricia's Canadian Light Infantry

First published in the Canadian Infantry Journal

Part 1: No 8 - Winter 1979

Part 2: No 9 - Winter 1981

Перевод с английского RostislavDDD, 2025 г.

ТГ: <https://t.me/RostislavDDD>

LJ: <https://rostislavddd.livejournal.com/>

**RuNET
2025 г.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ I. СТАРИК	5
ОДНО УТРО НА ЗИМНЕЙ ЛИНИИ	23
ЭПИЛОГ 1 ЧАСТИ.....	28
ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА INFANTRY JOURNAL	29
ЧАСТЬ II. ВОЙНА С ФАНТАЗИЕЙ.....	30
ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАРИКА	35
РОЛИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ	37
СЕРЖАНТ ВЕСТ	42
ПЛАНИРОВАНИЕ.....	47
ПРИСТРЕЛКА ЦЕЛЕЙ	54
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	56
УПРАВЛЕНИЕ ОГНЁМ.....	60
КАРТОЧКИ ОГНЯ	65
ПРОВЕРКА НА ПРАКТИКЕ.....	67
ЭПИЛОГ	68

ВЗЛЁТ, ПАДЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ «ЭММЫ ГИЗ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Термин «ЭММА ГИЗ» был прозвищем пулемётчиков¹ во время Первой мировой войны. Я посчитал это подходящим названием для этой серии статей, ведь Первая мировая война стала звёздным часом канадских пулемётчиков. Они первыми довели до совершенства пулемётный заградительный огонь и первыми сформировали пулемётные подразделения. Они стали признанными авторитетами в вопросах применения пулемётов, и их методы были впоследствии приняты британцами, французами, бельгийцами и итальянцами.

В период между войнами и в ходе Второй мировой войны у нас всё ещё сохранялись специализированные пулемётные подразделения. Высокий уровень мастерства сохранялся до конца 60-х, когда пулемёт стал «оружием для всех». За каких-то пять лет мы чуть было не утратили опыт, который накапливали пять десятилетий

Когда я получил первое офицерское звание в 1963 году (на самом деле не так уж давно), пулемётчики нашего батальона считались ровно такими же специалистами², как и миномётчики, сапёры и противотанкисты. Обычно, на учениях роте придавалось пулемётное отделение. Её вооружение всегда расставлялось грамотно и тщательно увязывалось с планом огневого поражения батальона. Увы, всё изменилось с появлением бронетранспортёров. Внезапно мы стали пулемётным батальоном и формально обучали солдат заряжать, разряжать и стрелять из этого оружия, тогда как тактически грамотное боевое применение оказалось сильно запущенным. Несколько энтузиастов пытались сохранить данное искусство, но их усилия были обречены. Пулемётный курс в Пехотной Школе исчез, а квалификация «отличный пулемётчик»³ была исключена из перечня военно-учётных специальностей.

Создание в 1974 году Бюро по тактической доктрине⁴ для изучения тактики применения пулемётов стало первым признаком возрождения. Документ, который они подготовили, уже практически утверждён как поправка к официальному руководству по боевому применению пулемётов. Он также стал основой для тактической подготовки на курсе усиленной подготовки пулемётчиков, восстановленном в апреле 1977 года.

Последние два года, как командир взвода пехотного стрелкового оружия в Пехотной Школе, я был тесно связан со всем, что касается пулемётов. Я читал лекции курсантам всех уровней — от потенциальных взводных сержантов до будущих командиров рот. Однако, есть одна группа, до которой я достигать не

¹ От аббревиатуры MG, в текущем контексте Machine Gunner.

² Под пулемётчиками автором подразумеваются расчёты тяжелых (станковых) и единых пулеметов. Важное примечание: в армиях стран НАТО тяжелый пулемёт (HMG) и лёгкий пулемет (LMG) при вооружении расчётов т.н. «едиными пулемётами» вполне может быть одним и тем же пулемётом, с изменением тактического обозначения по привязке к применению со станка или с сошек. В таких случаях, на тактические схемы наносятся уточняющие надписи в виде калибра или типа пулемёта.

³ В оригинале «advanced machine gunner»

⁴ В оригинале «Tactics Doctrine Board»

смог — это офицеры, находящиеся сейчас на командных должностях в наших батальонах. Надеюсь, что через Infantry Journal я смогу обратиться к этой важной аудитории.

Я решил написать эту статью, когда был инструктором на курсе для офицеров пехоты (фаза 4) прошлым летом. Во время тактического занятия один из моих коллег, офицер, которого я уважаю как профессионала, раскритиковал курсанта за то, как тот разместил один из своих взводных пулемётов. Инструктор окончил курсы командиров рот и CLFCSC⁵ в Кингстоне. Курсант, в свою очередь недавно прошёл обучение на Пулемётном курсе⁶ в Пехотной школе. Пулемёт был установлен идеально и соответствовал большинству из основных принципов боевого применения пулемётов. Инструктор банально этого не знал. Я задумался: сколько ещё таких неосведомлённых командиров у нас сейчас в войсках? Так и появилась эта серия статей.

Это не обличительная речь, осуждающая каждого офицера, когда-либо неправильно использовавшего пулемёт. Я и сам не без греха, так что не вправе бросать первый камень. Это и не изложение моих личных теорий, а подробное объяснение того, как должны применяться пулемёты пехоты согласно официальной доктрине Вооружённых сил Канады.

Часто говорят, что секреты будущего можно найти в уроках прошлого. Канадское пулемётное наследие заслуживает изучения, и поэтому первую главу я полностью посвятил ему. Она состоит из двух частей: Первая мировая война и Вторая мировая война. Часть о Первой мировой войне максимально аутентична, насколько это позволяет тщательное изучение официальных источников. Все описанные мной события произошли в действительности. «Старик» — плод моего воображения. Герои Второй мировой войны — реальные люди. Лэнс-капрал Даг Риггс не выдуман и сейчас является майором в Службе кадетов Канады, работает в Оромокто, Нью-Брансуик. Ему я благодарен за терпение, когда пытался сопоставить его воспоминания с официальной историей канадской армии.

А теперь перенесёмся мысленно на 60 лет назад и присоединимся к Старику и его «Эмме Гиз», которые готовятся занять позиции на передовой.

⁵ Командно-штабной колледж армии (сухопутных войск) Канады

⁶ В оригинале «Advanced Machine Gun Course»

ЧАСТЬ I. СТАРИК

В ночи августа 1918 года над изрытым полем к востоку от Арраса висела низкая облачность. В маленькой французской деревеньки вблизи линии фронта стояла тишина. Бойцы пулемётной роты отдыхали, стараясь устроиться поудобнее, и ждали, когда потухнет последний луч солнца. Они прибыли в эту деревню утром и теперь ждали темноты, чтобы сменить сестринскую роту 2-го батальона Канадского пулемётного корпуса. Это была разношёрстная компания. Некоторые были ветеранами многих сражений, другие только что прибыли во Францию и недавно окончили Канадскую пулемётную школу в Обен-Сен-Вааст. Кто-то из них был пулемётчиком уже много лет, а кто-то лишь недавно был переведён в 2-й пульбат из пехотных батальонов. Организационно, батальон состоял из четырех пулемётных батарей, каждая из которых состояла из четырёх секций⁷, по два пулемётных расчета в каждой. Бойцы сидели группами, ожидая сигнала к выдвижению. Некоторые доедали тушёнку с сухарями, но самые опытные спали — впереди была долгая ночь.

Молодой рядовой слишком нервничал, чтобы есть или спать. Он повернулся к младшему капралу⁸, лежавшему рядом с ним на соломе, и спросил:

— А как там на самом деле в окопах? Всё так плохо, как говорят?

— Иногда и хуже, — ответил унтер-офицер. — Но не переживай, парень, Старик был на разведке прошлой ночью и говорит, что сейчас там довольно сухо. Может, тебе повезёт на первом выходе.

— А что будет сегодня ночью? — продолжал молодой солдат. — Я знаю, Старик нас всех днём инструктировал, но, честно говоря, я ни слова не помню.

— Не переживай, — успокоил его ветеран. — У всех на первом выходе сдают нервы. Через пару дней привыкнешь.

«Хотя за ним надо будет приглядывать», — подумал он про себя.

— Рота, наверное, начнёт выдвигаться минут через двадцать. Мы пойдём последними, нам ближе всех. Двухолки⁹ оставим у начала хода сообщения, а дальше всё понесём на себе. Нас встретит проводник из сменяемого отделения и доведёт до огневых позиций. Сначала заносим пулемёты с максимальным запасом патронов. Потом делаем столько ходок, сколько нужно, чтобы дотащить остальное — воду, пайки и прочее. Если повезёт, тогда те, кого мы меняем, давно не стреляли и у них много патронов на позиции. Тогда мы просто заберём их боезапас, а они пополнят его из наших повозок на обратном пути. Это всем здорово облегчает жизнь. То же самое с треногами, но по другой причине.

— Да, я это знаю, — перебил молодой солдат. — Если оставить станки и вехи на месте, мы просто используем их огневые карточки и нам не надо будет заново пристреливать цели.

⁷ В данном случае Vickers Section соответствует пулемётному взводу. Позднее терминология изменилась, так что во избежание путаницы использован прямой перевод.

⁸ В данном случае воинское звание lance corporal примерно соответствует современному российскому младшему сержанту.

⁹ Пулеметные и патронные повозки.

— Верно, — ответил капрал. — Первые пару часов будет много работы, спать не придётся, но не переживай. Я буду рядом и подскажу, что делать.

— Всё равно бы не уснул, — ответил солдат. — Эти пушки когда-нибудь замолкают? Они стреляют весь день.

— Со временем так устаёшь, что перестаёшь их замечать, пока они не замолкнут. Вот тогда и стоит насторожиться — это верный признак, что что-то сейчас произойдёт. Впрочем, тебе лучше первые дни просто держать голову ниже и не слишком интересоваться, как выглядит немецкая линия. Они уже давно вычислили все наши огневые точки, и мы — отличные мишени для их снайперов. Наш корпус не зря называют «клубом самоубийц».

— Я запомню. Я хочу дожить до конца этой войны.

— Если так, держись поближе к Старика. Он прошёл через всё и до сих пор жив и здоров. Ушёл из Канады с Первой дивизией ещё в четырнадцатом. Был одним из первых в «Моторах»¹⁰.

— Поэтому его и зовут Стариком? Он ведь не выглядит таким уж старым, правда?

— Нет, не выглядит. Я бы не дал ему больше тридцати, но война его сильно потрепала. Послушай, как он дышит во сне — вот что делает с человеком отравляющий газ. У него ещё и нога больная, но он никогда не признается. Зато он настоящий выживший. Говорят, однажды в 1916 его заживо закопало на пять часов, и когда его откопали, он даже не пошёл в лазарет на осмотр. Нет, над ним явно светит счастливая звезда, и нам обоим стоит держаться рядом с ним.

Их разговор затих вместе с наступающими сумерками, и вскоре пришло время двигаться.

Вокруг слышались шаги людей, мулов и скрип повозок.

— Может, разбудим его? — спросил молодой солдат у капрала.

— Пока не надо, — ответил тот.

— Как я уже говорил, мы уйдём последними, так что у нас ещё есть время. Пусть отдохнёт.

Однако вскоре появился один из связных батареи и сказал:

— Готовьтесь, капитан велел — выходим минут через десять.

Капрал осторожно подтолкнул Старика за левое плечо, и тот мгновенно проснулся, годы, проведённые в окопах, отточили его рефлексy. Он инстинктивно потянулся к противогазу, убедился, что тот на месте, и быстро оценил обстановку. Сержант прислушался к стрельбе и по её звукам понял, что они не на передовой. Огляделся, и всё вспомнил. Они были на отдыхе близ линии фронта, а теперь возвращались обратно. Пора выдвигаться, подумал он, медленно поднимаясь. Левая нога ныла от боли.

— Всё готово? — спросил он у капрала. Тот кивнул, и вскоре по цепочке передали команду строиться. Через пять минут они были в пути.

По мере того, как они шли по дороге, грохот орудий становился всё громче. Вскоре они оказались среди полевых батарей, чьи стволы сверкали с обеих

¹⁰ «The Motors», солдатское прозвище Канадской автомобильной пулемётной бригады №1, в 1916 году переименованной в 1-ю Канадскую моторизованную пулемётную бригаду.

сторон, сопровождаемые оглушительными выстрелами. Время от времени можно было услышать шелест вражеских снарядов, но ни один из них не упал достаточно близко, чтобы вызвать тревогу. На дороге были и другие люди — в основном представители тыловых служб, подвозившие провиант, боеприпасы и прочее. В темноте все были безликими силуэтами, каждая группа занималась своим делом. В конце концов они дошли до входа в ход сообщения, где их уже ждал проводник. Шедшие в голове колонны подразделения батареи уже исчезли, секции убыли к своим позициям. Они прибыли на фронт.

Старик коротко переговорил с проводником, затем подал сигнал начать разгрузку двуколок.

— Проводник говорит, на позиции много патронов, — сказал он, — так что возьмём с собой только несколько лент. Говорит, немцы весь день вели огонь газовыми снарядами, так что держите противогазы наготове.

Вскоре отделение снова двинулось вперёд, теперь каждый солдат нёс тяжёлую ношу. Молодой солдат тащил 40-фунтовое тело пулемёта «Виккерс» на правом плече и патронную ленту на шее. Он с изумлением оглядывался по сторонам. Окоп был глубоким, глубже, чем он ожидал. Стены местами были укреплены бревнами, повсюду лежали мешки с песком. Дно было выложено деревянными настилами. Время от времени перед ним пробегали крысы. Везде стоял запах смерти. Периодически они встречали цепочки людей, идущих навстречу. Одни несли носилки, другие — пустые мешки. Скоро они пойдут обратно, но уже с мешками, полными хлеба, сыра, тушёнки и бекона — стандартного пайка солдата на передовой. Окоп петлял, как змея, то в одну, то в другую сторону. Казалось, прошёл час (хотя на самом деле — гораздо меньше), пока он шёл за капралом. Вдруг колонна остановилась. Младший капрал повернулся и прошептал:

— Мы только что дошли до второй линии. Проводник говорит с часовым. Осталось недалеко. Хочешь, я понесу пулемёт?

— Нет, спасибо, я уже донёс его до сюда, дотащу и дальше, — ответил молодой человек.

Скоро колонна снова двинулась. Теперь они шли по занятым окопам. Везде были солдаты: кто-то двигался, кто-то стоял на месте. Каждые несколько минут в небо взлетала сигнальная ракета, заливая колючую проволоку призрачным сине-зелёным светом, и по линии обороны разносилась редкая пулемётная стрельба. Артиллерия всё ещё стреляла, но обе стороны били по тылам. На передовой же было относительно спокойно.

Вдруг они пришли. Два бойца из сменяемого расчёта уже ждали на позиции. Остальные были в блиндаже, собирали вещи. Капрал коротко переговорил со своим коллегой, затем подал сигнал рядовому нести пулемёт вперёд. Они быстро сняли старый пулемёт и поставили свой.

— Говорят, если мы поможем, они смогут унести всё своё снаряжение за один раз, — сказал капрал своим. — Я останусь здесь и закончу передачу позиции. Остальные идите с ними, потом они помогут вам донести наш скарб.

Когда вернётесь, у меня уже будет готово расписание дежурств, и кто-то сможет отдохнуть.

Пока небольшая группа возвращалась к блиндажу, командир пулемётного расчёта продолжал приёмку позиции. Сначала он проверил, не сместился ли треножный станок при замене пулемёта. Затем осмотрел сам пулемёт, убедился, что кожух заполнена до нужного уровня, а конденсатор — на две трети. Дёрнул шнурок, чтобы проверить ночной прицел на расстоянии 15 ярдов в нейтральной полосе, и просмотрел список целей.

Старик скользнул в пулемётную ячейку как тень.

— Второй пулемёт примерно в двадцати ярдах отсюда, — сказал он. — Если не прикажу иначе, всегда стреляйте вместе с ним. Я буду в окопе между вами. Там есть полевой телефон на КНП нашей пулемётной батареи и ещё один в блиндаже. Проблем с приёмом-передачей позиции нет?

— Нет, всё в порядке. Можем вести огонь хоть сейчас, — ответил младший капрал.

— Хорошо. Думаю, скоро остальные вернутся, и мы сможем действовать в обычном режиме. Как там новичок?

— Молодой и напуганный, — последовал ответ. — Но старается. Думаю, вам стоит с ним поговорить, успокоить немного.

— Я подыщу подходящий момент, — сказал Старик и так же тихо исчез, как и появился.

Подходящий момент настал через два часа. Старик сидел в блиндаже и при свете одинокой свечи изучал схему позиции. Блиндаж был около трёх метров в

ширину, с крышей из прогнувшихся, закопчённых балок. Вдоль двух стен — узкие панцирные койки, занятые бойцами. В центре — печка для пищи и обогрева и грубый стол.

«Неплохая нора», — подумал он. Вдруг прямо у входа раздался громкий взрыв, и молодой новичок сквозь завесу пыли и газа влетел прямо ему в объятия. Оба поднялись на ноги, и юноша начал дрожать как осиновый лист.

— Успокойся, — мягко сказал сержант. — Это всего лишь 5,9-дюймовый снаряд. Радуйся, что ты был на подходе к блиндажу, когда он прилетел. Ещё не раз попадёшь в переделки похуже.

Пытаясь взять себя в руки, молодой солдат спросил:

— Наверное, у вас таких случаев было много. Вы правда здесь с 1915 года?

— Так и есть, — ответил Старик. — Садись, расскажу тебе всё.

Он повернулся к связисту, который следил за полевым телефоном, и сказал:

— Поставь воды. Заварим чай, ладно?

Потом сел рядом с новичком, закурил «Вудбайн» и начал рассказывать.

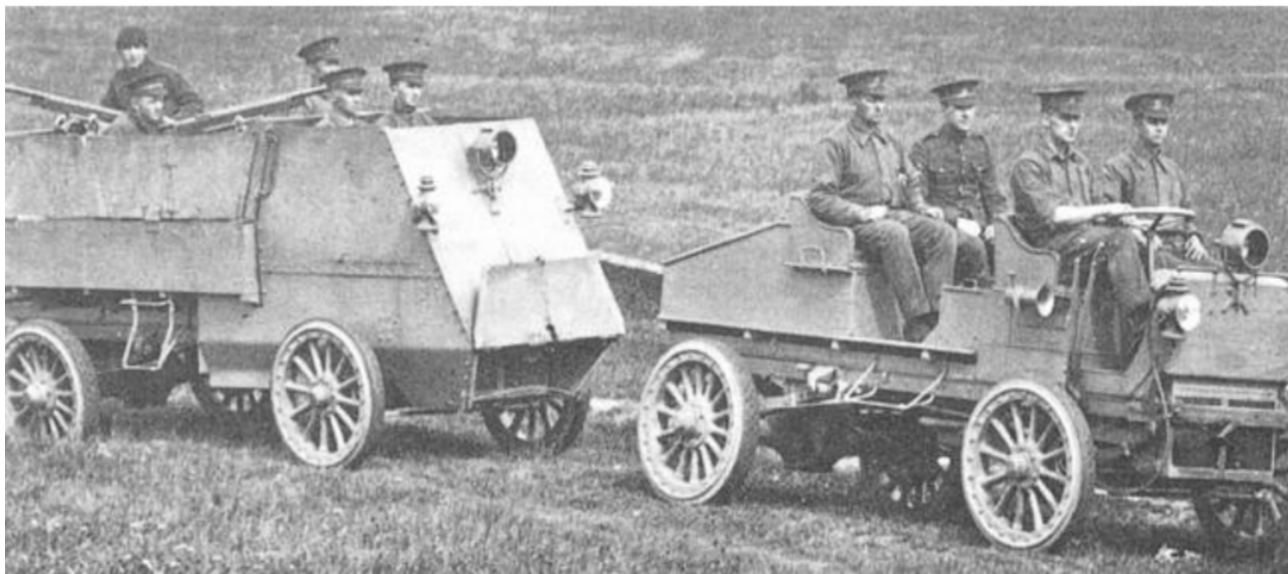
— Видишь ли, — начал он, — оба моих родителя родились в Англии, так что, когда объявили набор добровольцев, было понятно, что кто-то из семьи должен пойти. У старшего брата только что родились близнецы, так что от него этого ждать не стоило, а Билли было всего 14, так что остался я. Мы жили недалеко от Оттавы, и вот однажды утром я быстро попрощался и сел на поезд. На вокзале в Оттаве я увидел объявление о наборе в Автомобильную пулемётную бригаду. Там говорилось, что требуются люди с навыками работы с механизмами, и желающим нужно было явиться к майору Сифтону в отель «Шато Лорье». Я был вроде как механиком, и это показалось мне интереснее, чем быть обычным пехотинцем, так что я пошёл. Найти номер майора было несложно — очередь тянулась аж до главного холла. В конце концов я дошёл до её начала, и оказался в полевом лагере в Валькартье, в Квебеке.

— Нас там было, наверное, тысяч тридцать. Но с пулемётами — только 125 человек. Мы поздно организовались и почти не тренировались перед отправкой из Канады. В этом мы были похожи на «Принцессу Пэтс»¹¹. Пятнадцать богатых бизнесменов скинулись и собрали 150 тысяч долларов на наше снаряжение. Генерал Брутэнель уже был нашим командиром, хотя тогда он был всего лишь майором. Наше вооружение — 20 пулемётов Кольта и восемь бронированных автомобилей. Майор сам забрал пулемёты с завода на одном из броневиков. Хорошо, что он поехал на бронемашине — его чуть не подстрелили сочувствующие немцам прямо у завода. Думаю, это были первые выстрелы по канадцу в этой войне.

— Мы погрузились на корабли в Квебеке, кажется, это было примерно 1 октября. Какой там был хаос! Все мы были на одном корабле, а снаряжение — по всему флоту. Разбирались с этим неделями уже за океаном. Переход занял почти две недели. Потом мы ещё два дня сидели на борту, прежде чем высадиться в Плимуте, потом — семичасовая поездка на поезде и десятимильный марш. Мы

¹¹ Прозвище легкого пехотного полка принцессы Патриции (Princess Patricia's Canadian Light Infantry)

разбили палатки на Солсберийской равнине и сразу же начали тренировки. Сначала было неплохо, но это быстро прошло. За первые 123 дня дождь шёл 89 раз. Почва не впитывала воду, и всё превратилось в болото. Но мы выжили и даже успели потренироваться. Сначала — обычная пехотная подготовка, но потом майор раздобыл какие-то руководства по пулемётам — думаю, он сам их и написал — и мы всерьёз занялись своим будущим делом. Мы столько раз разбирали и собирали эти Кольты, что удивительно, как они не стерлись. Пулемётчиком считался только тот, кто мог собрать и разобрать машинку с завязанными глазами. Единственное, чего нам не давали — стрелять из них. Британцы боялись, что мы испортим их газоны.

— Мы были не единственными пулемётчиками. В каждом пехотном батальоне тоже было по четыре Кольта. Мы много работали с их пулемётными секциями. Признаюсь, мы были слишком самоуверенны. Любили ездить на своих машинах и хвастаться. В каждой машине — два пулемёта и 10 тысяч патронов. Мы думали, что можем в одиночку разгромить армию Кайзера, и не стеснялись всем об этом говорить. Вот только когда дивизия ушла во Францию без нас, мы быстро спустились с небес на землю.

— Помню день, когда сам король провёл нам строевой смотр. Это было в первую неделю февраля. Сначала нас хотели построить как обычную пехоту, но майор Брутэнель был против. Он сказал, что мы — моторизованная пулемётная бригада, и наши машины должны быть на параде вместе с нами. В итоге он выстроил нас в три линии: впереди бронемашины, сзади — грузовики с боеприпасами и ремонтные фургоны. Офицеры, водители и наводчики стояли перед машинами, а остальные — сзади, не обращая большого внимания на происходящее. Мы уже собирались сыграть в карты, как вдруг услышали шум снаружи, и вот король заглядывает к нам в машину. Не знаю, кто больше удивился — он или мы. Мы все вскочили по стойке «смирно» и чуть не сбили Его Величество с ног. К счастью, у короля было чувство юмора, он только посмеялся. Ему было очень интересно посмотреть на нас и наше снаряжение. Он стоял рядом с нашей машиной, ждал, когда подведут его лошадь, и сказал лорду Китченеру: «Это очень полезное подразделение». — «Боюсь, что нет, Ваше

Величество», — ответил Китченер. — «Его будет очень трудно использовать, и оно нарушает баланс огневой мощи дивизии».

— В тот вечер майор Брутэнель собрал нас и сообщил плохие новости. Генерал Олдерсон, командир дивизии, был согласен с лордом Китченером. Во Францию мы не поедем.

*Бригадный генерал Реймон Брутэнель, CB, CMG, DSO
Первый командующий Королевским Канадским пулемётным корпусом (1917-1919 г.г.)*

— После того как канадский экспедиционный контингент ушёл на войну, мы ещё несколько дней болтались на Солсберийской равнине, после чего переехали в Кент, где несли так называемую береговую охрану. Единственное, что в этом было хорошего — нам наконец разрешили практиковаться в стрельбе из пулемётов. Мы нашли старые известняковые карьеры и часами тренировались, устраняя задержки. А у старого Кольта их хватало. Постоянно

ходили слухи, что нам вот-вот дадут «Виккерсы», но, когда мы наконец попали во Францию, в июне, у нас всё ещё были Кольты.

Старик сменил позу и закурил ещё одну сигарету. Связист воспользовался паузой, чтобы раздать кружки с чаем. Один из спящих на койках проснулся, а ещё двое бойцов вошли в блиндаж и обратились в слух.

— А как было, когда вы всё-таки попали во Францию? — спросил один из них.

— Тогда на линии было довольно тихо, — продолжил Старик. — Ранее в том году были тяжёлые бои, но обе стороны зализывали раны и готовились к следующему раунду. К моменту прибытия бригады канадцы занимали позиции севернее Армантьера. Мы оборудовали и заняли серию опорных пунктов по всему фронту дивизии, а потом использовали наши машины как мобильные зенитки. Ездили взад-вперёд по дорогам за линией фронта и отстреливали вражеские разведывательные самолёты. И сбили их немало.

— Мы хотели встретиться с пулемётчиками, с которыми тренировались на Солсберийской равнине, но быстро перестали их искать — почти все они были мертвы. Да, тогда нам ещё многому предстояло научиться у немцев. Их «Максимы» были лучше наших Кольтов, и у них их было больше. Их генералы умели использовать пулемёты эффективнее, чем наши. Один из наших офицеров рассказывал, что немцы отправили наблюдателей на войну между русскими и японцами, чтобы посмотреть, как те используют пулемёты. Вернувшись, они потратили восемь миллионов марок на создание пулемётных подразделений.

— Единственное, в чём мы опередили немцев, — это огонь с закрытых позиций. Сейчас все его используют, а тогда никто не пробовал. Брутэнель к тому времени был уже подполковником и давно экспериментировал с моделями применения и таблицами траекторий. Мы стояли в конюшнях возле места под названием Шато Ла Хют, примерно в полутора километрах за нашими позициями. Однажды в конце сентября полковник приехал и дал нам данные для стрельбы. Он сказал, что примерно в пятистах ярдах за немецкой линией обороны лежит гряда возвышенностей, где каждый день собираются их артиллеристы. Он задумал устроить им сюрприз. Ждать пришлось недолго — и мы им его устроили. Стреляли по четыре пулемёта сразу, и каждый из нас мог попробовать. Немцы так разозлились, что притащили восьмидюймовую пушку и выпустили по Шато десять снарядов, сравнив его с землёй. Нам было всё равно — мы ведь были в конюшнях.

— С этого всё и началось. Потом мы проводили всевозможные эксперименты. Сначала пехота не любила, когда мы стреляли у них над головами. Приходилось быть очень осторожными — у Кольтов были свои причуды. Например, первая пуля всегда падала ближе цели. Помню, как-то мы тренировались, и полковник привёл старших офицеров посмотреть. Один из них скептически заметил про недолёт первым выстрелом. «Мы решили эту проблему, — сказал полковник. — Просто всегда убираем первый патрон из ленты». Мы все смеялись, но гостям это не понравилось.

— Зимой 1915–1916 мы не участвовали в крупных операциях. Пехота была занята ночной дозорно-патрульной службой и вылазками, а мы, пулемётчики, её поддерживали. Самое трудное было просто выжить в окопах.

— Весной всё изменилось. Канадский экспедиционный контингент стал корпусом. Батарея Бордена прибыла во Францию и присоединилась к нашей бригаде, а в каждой пехотной бригаде теперь была пулемётная рота. Меня повысили до капрала, я командовал пулемётным расчётом. Мы поддерживали 2-ю дивизию, которая в феврале заняла выступ у Ипра. В конце марта британцы начали крупное наступление у Сен-Элуа. Несколько месяцев их сапёры рыли туннели под немецкие позиции, закладывали взрывчатку, а перед атакой они просто взорвали всю немецкую передовую. Я сам этого не видел, но говорят, зрелище было потрясающее. Вот только возникла проблема, одновременно, эти взрывы уничтожили всю дренажную систему и все ориентиры. Фронт в том районе превратился в семь гигантских воронок, наполовину заполненных водой с морем грязи между ними. Британцы должны были закрепиться на новых позициях, а мы потом должны были их сменить. Однако, к нашему прибытию, линия обороны была очень неустойчивой. Машины нам там помочь не могли, пришлось тащить пулемёты и патроны на себе по грязи. Всё было в полном беспорядке, никто не понимал, что происходит. Огонь вёлся с трёх сторон, и мы понесли большие потери. Я потерял свой пулемёт и одного из бойцов по дороге. Мы шли по краю одной из огромных воронок, когда парень, что нёс пулемёт, поскользнулся и канул в грязную воду. Он даже ни разу не всплыл.

— Сзади стреляли не меньше, чем спереди, так что мы просто продолжали идти вперёд. Расчёт полностью потерял связь с остальной батареей, и я уже не знал, что делать, когда мы наткнулись на группу из 31-го батальона. У них был Кольт, но они не знали, что с ним делать — пулемётчики погибли от прямого попадания, а сам пулемёт был повреждён. Мы смогли его починить, используя запасные части, и снова были в строю. Как раз вовремя — немцы пошли в атаку. На другой стороне огромной воронки был ещё один пулемёт, не знаю чей, и мы взяли немцев в перекрёстный огонь. Сдерживали их какое-то время, но их было слишком много. В конце концов пришлось отступить. Тот второй пулемётный расчёт не выбрался.

— Остаток боя мы провели с 31-м батальоном. Иногда наступали, иногда оборонялись. Всё длилось несколько дней, и в какой-то момент мне стало всё равно. Я потерял весь свой расчёт и был вынужден быстро обучить парочку пехотинцев работать с пулемётом. Одним утром мы поддерживали атаку, когда прямо передо мной полыхнула вспышка взрыва...

— Думаю, мне повезло, что смогли вытащить. Большинство других раненых просто умирало там, где лежали, в грязи. Я был без сознания несколько часов, но в конце концов очнулся по дороге в полевой госпиталь. Левая нога была сильно повреждена. Обошлось без переломов, но бедро сильно порвало. Вдобавок ко всему, я был контужен и до предела вымотан. В итоге этого хватило, чтобы я не возвращался на передовую почти три месяца.

— Я снова присоединился к бригаде в конце июля. Она всё ещё стояла во Фландрии, но там было довольно спокойно. За время моего отсутствия организация сильно изменилась. Теперь у нас было пять батарей — батареи Итона и Юкона прибыли из Англии. Кольты наконец заменили на пулемёты Виккерса. Кольты также убрали из пехотных батальонов, но взамен им выдали пулемёты Льюиса. Самое важное для пехоты — это то, что у них наконец забрали винтовки Росс, которые только помогали врагу. Теперь у всех были новые британские Ли-Энфилды.

— Я вернулся в свою старую батарею, но не смог по-настоящему в ней освоиться. Почти никого из старого состава не осталось. Потери у воронок Сен-Элуа были огромными, а те, кто выжил, погибли либо в Заповедном лесу, либо на горе Соррель¹². Все офицеры тоже были новыми, и я ни с кем из них не сошёлся. В это время 4-я дивизия только прибыла во Францию, и пошёл слух, что им нужны опытные пулемётные унтер-офицеры для пулемётных рот бригад. Я решил, что пора прощаться с «Моторами», подал рапорт и ушёл. Заодно меня повысили до полного капрала¹³.

— Меня направили в пулемётную роту 11-й пехотной бригады, где я принял командование расчётом пулемёта Виккерса. В конце августа мы заняли позиции в составе смешанного формирования под командованием некоего

¹² Район Ипра, Бельгия.

¹³ Corporal в данном случае соответствует современному российскому сержанту.

британского генерала Фрэнкса. Там были бельгийцы, австралийцы и британцы. Остальные три канадские дивизии ушли на юг, на Сомму. Боже, как же я рад, что мы не попали на первую часть того сражения. Говорят, это была настоящая мясорубка, особенно для пулемётчиков.

— В сентябре мы немного потренировались на полигоне Сен-Омер, а потом отправились к остальным частям Канадского корпуса на Сомму. Мы прибыли как раз тогда, когда остатки корпуса выводили из первой линии. Думаю, это было 10 или 11 октября, когда мы сменили 3-ю дивизию. Мы перешли под командование какого-то британского объединения, кажется, 2-го корпуса, и начали готовиться к атаке на место под названием Анкр. Пару дней погода была хорошей, а потом начались дожди, которые, казалось, не собирались заканчиваться. В окопах стояло по колено грязи, блиндажи затопило. Приходилось рыть норы под бруствером, чтобы укрыться от дождя, но потом мы перестали это делать — обстрелы вызывали обвалы, и мы теряли слишком много людей. Я сам однажды оказался в такой ловушке.

— Наступление началось примерно через две недели. Я поддерживал 102-й батальон, их целью был участок немецкой линии, известный как траншея Реджина. Все остальные канадские дивизии уже пытались взять эту позицию и были отброшены, так что мы ждали худшего. Но всё прошло не так уж плохо. Наша артиллерия хорошо прорезала немецкую проволоку и обеспечила подвижный заградительный огонь перед нашими войсками. Мы занимали опорные пункты и поддерживали наступающих огнём поверх голов, пока батальонные пулемётчики шли вперёд со своими Льюисами. Батальон занял цель за 15 минут после начала атаки, а мы выдвинулись вперёд, чтобы помочь отбить неизбежные контратаки. Немцы несколько раз пытались отбить траншею, но наша артиллерия каждый раз их останавливала.

— Мы держали этот участок траншеи несколько дней. 10-я бригада справа от нас столкнулась с трудностями, и только через несколько дней они смогли закрепиться на одной линии с нами. Когда они закрепились, мы все начали готовиться к новому наступлению. Все хотели двигаться дальше. Дождь почти не прекращался, а постоянные обстрелы — сначала наши, потом немецкие — превратили траншею в простую канаву в меловой почве. Везде лежал мусор и раздувшиеся тела, многие из них носили синий шеврон нашей 2-й дивизии. Атаку несколько раз откладывали из-за погоды, но во второй неделе ноября мы всё же пошли вперёд. Мы по-прежнему поддерживали 102-й батальон и действовали так же, как раньше. Но теперь немцы сосредоточили артиллерию на наших пулемётных позициях, и потери были тяжёлыми. Я получил осколок в плечо и был эвакуирован в тот же день.

— Санитары быстро меня подлатали, и через неделю я вернулся в роту. Наступление к тому времени закончилось, и наша бригада продвинулась почти на полмили. Погода стала холодной, пошёл снег перемешку с дождём. Просто выжить уже было подвигом. Мы постоянно были мокрыми, большинство

подхватило окопную стопу¹⁴. Каждый раз, когда температура опускалась ниже нуля, одежда замерзала. Наши шинели били по лодыжкам и причиняли боль при ходьбе, если не хватало ума подкалывать их полы перед заморозками. 72-й и 85-й батальоны страдали особенно сильно. Это были канадские шотландские горные батальоны, и когда их килты замерзали, ноги превращались в кровавое месиво. Из-за таких условий нас долго на передовой не держали, а постоянно меняли. Ближайшие казармы были в восьми милях, так что даже смена была изнурительной. В конце ноября дивизию наконец вывели с передовой, и мы присоединились к остальному Канадскому корпусу неподалеку от тех мест, где находимся сейчас. Скажу честно, никогда в жизни я не был так рад покинуть какое-то место.

Старик закурил ещё одну сигарету и уже собирался продолжить, как вдруг газовая завеса откинулась, и в блиндаж заглянул часовой:

— К оружию!

Один за другим бойцы поднялись, расхватили винтовки и вышли на заранее определённые им позиции. Связисты, посыльные, пулемётчики — все были настороже в этот критический час на стыке ночи и рассвета.

После «к оружию» началась обычная рутина дня в окопах. Сначала обязательное умывание, потом завтрак и общая уборка. Обстрелы были слабыми с обеих сторон и лишь изредка мешали рабочим командам, восстанавливающим повреждения от предыдущих налётов.

Молодой рядовой сидел за пулемётом Виккерса, нёс свою вахту. День был тёплый, воздух — неподвижный. Вдруг он почувствовал сильную усталость. — «Я только на минутку закрою глаза», — подумал он.

Следующее, что он вспомнил — его грубо трясёт младший капрал.

— Не дай Старику застать тебя во сне, — предупредил унтер-офицер. — Он многое может простить, но сон на посту — никогда.

— Я не спал, — ответил солдат. — Просто дал малость отдохнуть глазам.

— Всё равно не попадайся ему. Иначе, точно получишь взыскание, — сказал капрал, уходя в блиндаж.

Молодой солдат, теперь уже полностью бодрый, продолжил дежурство. Но вскоре усталость вернулась. Он стал искать, чем бы заняться. Пересчитал все мешки с песком вокруг позиции, потом стал считать колья на колючей проволоке. За проволокой была немецкая линия, без признаков жизни.

«Интересно, как там у них», — подумал он, вытягивая шею, чтобы было лучше видно. Не замечая этого, он медленно поднялся, выставив голову и плечи над бруствером. Всё произошло мгновенно: Старик появился словно из ниоткуда, схватил его за ремень и резко дёрнул вниз — в тот же миг рядом просвистела пуля снайпера.

Поднимаясь и отряхивая грязь с мундира, боец осознал, как близко был к смерти, и задрожал.

¹⁴ Окопная стопа — сезонное заболевание, разновидность обморожения суть которого заключается в холодовом поражении ступней ног из-за продолжительного воздействия на них холода и сырости, при вынужденной малоподвижности.

— С-с-пасибо, — выдавил он.

— Тебе повезло, что я оказался рядом, — ответил унтер-офицер. — Ты был бы не первым пулемётчиком, которого я потерял от снайперской пули. Всегда думай, что за твоей позицией следит снайпер и только и ждёт, когда ты высунешься. Помню, как после взятия Вими-Ридж в прошлом году я за один день потерял двоих. Мы поддерживали 54-й батальон у края леса Буа-де-ла-Фоли, южнее Живанши. Немцы тогда уже отступали, но оставили сильный арьергард. Так что всегда держи голову ниже, когда сидишь рядом с Виккерсом на передовой, даже если тебе кажется, что всё тихо.

— Нам про Вими-Ридж много рассказывали на учёбе в Обен-Сен-Вааст, — ответил молодой солдат, быстро приходя в себя. — Говорят, это было что-то невероятное.

— Не хочу отвлекать тебя на посту, — сказал Старик, — но напомни мне после вечернего «к оружию», и я расскажу тебе всё.

В тот вечер, после «к оружию», Старик сдержал обещание. В блиндаже была почти та же обстановка, что и накануне. Связист следил за телефоном, рядом стояла незаменимая для окопной жизни печка «Томми Кукер» с котелком воды на ней. На этот раз никто не спал — все, кроме дежурных, были бодрствующими и ждали рассказа. Старик редко делился воспоминаниями, и никто не хотел пропустить ни слова.

Старик сделал плоток чая и начал:

— Вими-Ридж был год назад, в апреле. Кажется, прошло гораздо больше времени — столько всего случилось. Тогда я был сержантом в пулемётной роте 11-й бригады. Сам бой не был таким уж большим по сравнению с другими, но меня больше всего поразила подготовка. Мы заняли позиции сразу к востоку от хребта после того, как нас вывели с Соммы в конце ноября 1916-го. Остальной корпус был там уже полтора месяца и хорошо обустроился. Наша рота много тренировалась в тылу. Брутэнель был уже полковником и пользовался доверием командующего корпусом. Он имел полную свободу действий с пулемётными ротами и часто навещался к нам, предлагал пробовать новые приёмы, особенно стрельбу поверх голов. Мы много вели беспокоящий огонь, в основном ночью, по картам. Работали с другими ротами и иногда с «Моторами». Думаю, мы уже тогда начинали действовать как отдельный корпус с Брутэнелем во главе, хотя официально это ещё не было оформлено. На самом деле это вызывало много обид. Мы числились в разных пехотных частях, и когда дело было тяжело, нас принимали с радостью, однако при составлении списков на повышение сразу забывали. Вы, молодые, кто сразу попал в корпус, не понимаете, как вам повезло.

— Но не всё время мы только тренировались. Было много патрулирования, налётов и поисков, и мы почти всегда поддерживали пехоту. В начале марта была проведена крупная частная операция, участвовала вся дивизия. Это был кошмар. Пять дней подряд пехота готовилась к атаке, и каждый раз её отменяли в последний момент. В день, когда атака всё-таки началась, её снова отменили, но известили только 10-ю бригаду и часть артиллерии. 11-я и 12-я бригады пошли в атаку почти без артиллерийской поддержки и попали под огонь немецких

Максимов. Ветер сменился и принёс наш хлор обратно, так что мы не смогли их поддержать как планировалось. Не знаю, правда ли, но ходили слухи, что в то утро у нас было до семисот человек убитых.

— Чем ближе было к времени наступления на высоты, тем больше суеты было в тылу. К передовой, на глубине 25 футов вели железные дороги, были проведены водопроводы, подготовлены склады с десятками тысяч тонн боеприпасов. Мы усилили беспокоящий огонь и даже участвовали в артподготовке. Она началась за три недели до самой атаки, кажется. Я тесно работал с артиллерийскими батареями: они стреляли днём, мы — ночью, по тем же целям. Так мы не давали немцам чинить повреждения. Мы, наверное, выпустили миллионы патронов.

— Атака началась в пять тридцать утра девятого апреля. Для нас условия были идеальными: ночью похолодало, дул сильный ветер со снегом и дождём прямо в лицо немцам. Артиллерия гремела так, что мы не слышали друг друга. 150 пулемётов Виккерса стреляли без остановки. Мы создали стену из пуль в 400 ярдах перед пехотой и двигали её вперёд по расписанию.

— Я думал, на Вими-Ридж было больше 300 пулемётов, — перебил кто-то из солдат.

— Так и было, — ответил Старик, — 358, если точно, включая четыре роты британской 5-й дивизии, которые были к нам приданы. Но не все использовались в заградительном огне. Некоторые шли прямо с пехотой. Один сержант, с которым я работал в Обен-Сен-Вааст, командовал секцией пулемётов 8-й роты, поддерживая 1-й Канадский конный полк. Он добрался до дороги Аррас-Ланс раньше них. Говорили, что он положил больше сотни немцев, пока кавалеристы только занимали позиции. Один пулемёт накрыл штаб немецкого батальона, когда те пытались отступить, и устроил им настоящую бойню.

— 10-я бригада имела ряд проблем с «Прыщом» — возвышенностью на севере гряды Вими, но к 12 апреля всё было наше. Эта битва стала рождением нашего корпуса. Для пехоты мы были настоящими героями. Они говорили, что свист наших пуль над их головами — самый ободряющий звук на поле боя.

— Мы взяли много немецких пленных, и им было что сказать о нас. Некоторые говорили по-английски и рассказывали, что им было приказано не брать в плен канадских пулемётчиков. Так сильно они нас ненавидели. Говорили, что за три ночи до атаки им было почти невозможно подвозить припасы или вывозить раненых, а во время атаки они не могли даже занять свои позиции, пока мы стреляли.

— Сразу после Вими-Ридж пришло известие, что Канаде разрешено сформировать отдельный пулемётный корпус. Для нас на местах это мало что изменило, но для боевого духа было важно. Брутэнель стал бригадным генералом и официальным командующим Пулемётного корпуса, но роты в батальоны мы не сводили ещё почти год.

— В 1917 году я ушёл с фронта и работал инструктором в пулемётном отделении Школы Канадского корпуса. Поэтому я пропустил бои на Скарпе и под Пашендейлом. Всю зиму провёл в школе, потом перешёл в Лагерь подготовки

пополнений корпуса, когда там открыли пулемётные курсы. Занимался административной работой. Думаю, кто-то решил, что я уже достаточно повоевал. Наверное, я мог бы остаться там, если бы захотел, но, честно говоря, мне стало скучно. В марте я вернулся в бой. Немцы прорвали фронт между Третьей и Пятой британскими армиями, и «Моторы» были сняты с позиций у Вими и брошены затыкать брешь. Брутэнель, наверное, был очень доволен — именно так он и представлял себе их применение. Мы тогда ничего не знали о прорыве, но по численности запрашиваемых пополнений было ясно, что что-то происходит. Однажды приехал генерал Брутэнель с группой британских конных гвардейцев, которых сняли с постов у Букингемского дворца, быстро обучили пулемётному делу и отправили к «Моторам». Я подумал: вот уж действительно, скребут по сусекам. Решил, что корпусу я в бою нужнее, собрал вещмешок, внёс себя в список и сел в поезд вместе с гвардейцами. Формально я был самовольно отсутствующим, но в той суматохе никто ничего не заметил.

— Мы поехали на юг, в Амьен, потом на восток, к фронту. Как такового фронта между Скарпом и Эном не было. Немцы продвинулись на 20–30 миль в некоторых местах, и никто толком не знал, что происходит. Мы прибыли в штаб бригады — в сарай к востоку от Амьена, где нас встретил подполковник «Тайни» Уокер, командир. Он наскоро рассказал об организации бригады и передал нас старшему сержанту, который разбил нас на группы. С тех пор, как я ушёл в 1916-м году, бригада почти не изменилась: пять батарей, в каждой по две секции по две машины. Секциями командовали лейтенанты, батареями — капитаны. Всего было 20 машин: восемь старых и 12 новых, более лёгких. В каждой машине — два пулемёта и 14 человек. В бригаде была и секция мотоциклистов — разведчики, связисты, гонцы.

— В ту же ночь мы выдвинулись вперёд, меня определили в батарею В. Мы сразу попали в бой. Я принял командование бронемашинной и едва успел познакомиться с расчётом, как мы уже были в деле. Батарея ранее потеряла один броневи́к, когда рядом взорвался склад боеприпасов, так что их в ней было только три штуки. Двое других машины составляли секцию под командованием лейтенанта, имя не помню, а я работал один. Наши автомобили могли развивать скорость в 25 миль в час, и нам это было просто необходимо. Мы были по всему фронту Пятой армии, помогая, везде, где могли. Приказ был простой: вступать в бой с противником, уничтожать его как можно больше и задерживать продвижение. Иногда работали вместе с другими батареями, но чаще — секциями или поодиночке. Часто сражались спешившись.

— С боеприпасами были проблемы, потому что полковник Уокер никогда точно не знал, где мы находимся, и мы не всегда могли вернуться к нему. Часто мы просто брали всё, что могли найти. Помню, однажды мы возвращались на короткий отдых после боя. Я потерял пулемёт во время артобстрела, а у одной из других машин был пулемёт, который не работал. Боеприпасов тоже почти не осталось. Вдруг мы наткнулись на британский полевой склад, который как раз собирался эвакуироваться. Капитан остановил машину, взял с собой пятерых из

нас и зашёл в здание. Он подошёл к британскому майору, который, похоже, всем заправлял, и сказал:

— Мне нужно шесть пулемётов Виккерса и 20 000 патронов.

Майор посмотрел на нас и спросил:

— Кто вы такие и где ваши полномочия?

— Нет у меня полномочий, — ответил капитан. — Мы ведём арьергардный бой, враг наступает.

— Я не могу выдать оружие и боеприпасы без надлежащего разрешения штаба корпуса, — возразил майор.

Капитан посмотрел на меня, достал револьвер и сказал:

— Вот моё разрешение. Идите и берите, что нам нужно.

— Вы не можете так поступить, — пробормотал майор. — Я вас арестую.

— Если только вы не умрёте, — ответил капитан. — А теперь убирайтесь с дороги.

На этом вопрос был решён, и офицеры склада даже помогли нам загрузить в машины полученное имущество.

— Во вторую неделю апреля нам приказали отойти и присоединиться к Канадскому корпусу. Бригада была в бою 19 дней без перерыва. Генерал Брутэнель выступил перед нами и похвалил за отличную работу. Но цена этого была высока, 75% потерь.

— Мы ушли в резерв, чтобы реорганизоваться и восстановить бригаду. Однажды утром меня вызвали к командиру. То, как я покинул Лагерь подготовки пополнений, наконец-то всплыло. Полковник Уокер отнёсся к этому с пониманием. Он сказал, что начальник Лагеря требует отправить меня обратно

для судебного разбирательства, но он напишет ему письмо и попробует всё замять. Он посоветовал мне уйти из «Моторов» — так будет сложнее меня найти, если в Лагере захотят довести дело до конца. Он сказал, что генерал Карри только что разрешил формировать третью роту в каждом дивизионном пулемётном батальоне и в них набирают людей из пехоты. Уокер был знаком с командиром 2-го пулемётного батальона и помог мне с переводом. Так я оказался здесь.

Долгое время никто не говорил ни слова. В блиндаже было душно, а единственная свеча почти догорела. Обстрел снаружи почти стих. Вдруг тишину нарушил звонок полевого телефона. Связист ответил, сказал пару слов, потом повернулся к Старику:

— К оружию, сержант. Что-то происходит перед позициями 26-го батальона.

Все сразу бросились к своим местам, никому не хотелось оказаться в блиндаже во время артиллерийского обстрела.

Снаряды сыпались густо и часто. Молодой солдат быстро добрался до пулемётной позиции. Он вошёл в ячейку и замер, потрясённый увиденным. Снаряд, должно быть, попал прямо в бруствер. Тело младшего капрала без движения лежало на ящиках с патронами, рядом, у его ног валялся обезглавленный пулемётчик. Несколько минут он простоял, не в силах двинуться. Старик во весь голос командовал с командного пункта, второй пулемёт вёл заградительный огонь. Артиллерийские снаряды сыпались по всей линии траншей, но он ничего не замечал.

Вдруг появился Старик. Он схватил солдата за левое плечо, развернул его и сильно ударил по щеке, выводя из ступора.

— 26-й батальон в беде! — крикнул он. — Им нужен весь огонь, который мы только можем дать, по цели номер четыре. Где твоя карточка огня?

Пока рядовой искал бумажку среди обломков, сержант стащил тело капрала с ящиков и проверил устойчивость пулемётного станка. Убедившись, что всё в порядке, он увидел бумажку в руке солдата и крикнул:

— Какие данные по четвёртой цели?

По всей линии взлетали сигнальные ракеты. В их бледно-зелёном свете солдат смог разобрать цифры.

— 23 вверх и 10 вправо! — крикнул он, полностью взяв себя в руки. — Устанавливай угломер, — скомандовал Старик, подняв крышку и выставляя прицел. Он навёл пулемёт на вежу, а рядовой вставил угломер в паз.

Старик медленно крутил маховик подъёмного механизма, а рядовой следил за пузырьком уровня.

— Есть! — крикнул рядовой и снял угломер.

Старик захлопнул крышку:

— Ты стреляешь, я заряжаю.

Солдат встал за пулемёт, обеими руками взялся за рукоятки, одновременно поднял предохранитель средними пальцами и нажал на спуск большими. Пулемёт дал длинную очередь.

Бой длился недолго. Это был не штурм, а просто налёт, и немецкие пехотинцы исчезли так же быстро, как появились. Старик подавал пятую ленту, когда прибежал связной с приказом прекратить огонь. Ночь была тёплой, в воздухе висел запах пороха. Молодой солдат вытер пот со лба и вдруг почувствовал полное изнеможение.

— Ну вот, ты пережил свой первый бой, — сказал ему Старик. — Не так уж и страшно, правда?

Он повернулся к связному:

— Прими здесь командование и разберись с этими телами. Я пришлю пару ребят помочь. А ты, — обратился он к молодому солдату, — пойдём в блиндаж, думаю, мы с тобой заслужили по глотку рома.

ОДНО УТРО НА ЗИМНЕЙ ЛИНИИ

Теперь действие переносится на 800 миль южнее и на 26 лет вперёд — в начало февраля 1944 года.

Разведывательный самолёт «Шторх» круто повернул вправо и выровнялся по заснеженным вершинам горного массива Майелла. За ним только что взошедшее солнце осветило сверкающие синие воды Адриатики и начало растапливать иней на уцелевших окнах портового городишки Ортоны. Пилот внимательно смотрел по сторонам, выискивая признаки крупного движения войск или подкреплений у передовых канадских частей за ночь. Он тщательно осмотрел изломанную линию окопов слева, но не заметил ничего необычного. Будучи постоянно настороже из-за налётов истребителей «Киттихок» Пустынных ВВС (не один разведчик не смог вернуться из-за того, что на миг потерял бдительность), он повернул голову вправо и заметил окопы 1-й парашютной дивизии.

«Хорошие солдаты», — подумал он. — «Верны фюреру и Отечеству».

Впереди показался город Вилла-Гранде. Пилот взял севернее и повернул на юго-запад, следуя вдоль «Зимней линии» к северу от дороги Орсогна-Ортона. Вскоре он пролетел над передовыми частями 334-й пехотной дивизии, державшими хребет Фонтегранде. В двух милях впереди была Орсогна — западная граница его маршрута. Он снизился, чтобы рассмотреть флаг со свастикой над ратушей, и повернул домой. Пора было завтракать.

Когда самолёт повернул вправо, солнце осветило опознавательные знаки на крыльях — сомнений в его принадлежности не было. Два пулемётчика выглянули из окопа, и тот, что был выше, сказал:

— Видишь, я же говорил, что это немец. Я всегда узнаю по звуку мотора.

— Это просто разведчик, — ответил другой. — А вот «Фокке-Вульфы» мне не нравятся. В такую ясную погоду, думаю, сегодня в небе будет весь воздушный флот Италии. Даже не знаю, что хуже — это или дождь. Когда нам сказали, что мы едем в Италию, я представлял себе солнечные пляжи и всё такое. Чёрт, тут не лучше, чем во Фландрии в прошлую войну.

Пока они разговаривали, двое мужчин продолжали собирать свой пулемёт Виккерса. Это стало для них рутиной с самого первого дня на передовой. Каждое утро, сразу после команды «к оружию», они полностью разбирали пулемёт и тщательно его чистили. Когда они защёлкнули последние детали, медленно поднимающееся солнце стало ощущаться всё сильнее, и настроение у них заметно улучшилось. Выдрессированный постоянной практикой, высокий пулемётчик уверенно дёрнул за рукоятку затвора, а второй подал ленту в приёмник. Пулемёт номер три снова был в строю.

— Сбегай к четвёртому номеру, скажи, что мы снова в строю, пусть начинают своё утреннее обслуживание, — сказал высокий солдат. — Потом можешь возвращаться в блиндаж, умыться и позавтракать. Дуг, наверное, уже заварил чай. Я приму первую вахту.

Пока напарник уходил по траншее к другому пулемёту, пулемётчик аккуратно собрал инструменты, тщательно их протёр и убрал в ящик. Он проверил надёжность установки пулемёта, затем разложил пустой мешок на одном из более-менее твёрдых комков грязи на дне траншеи и присел, чтобы закурить. Он наслаждался теплом от спички, сколько мог, а потом сложил онемевшие руки вокруг тлеющего конца сигареты. Он медленно и глубоко затянулся, ощущая приятное тепло на ладонях. В конце концов он поднял воротник шинели, закрыл уши и снова выглянул из траншеи, чтобы посмотреть на итальянский пейзаж. Его взгляд скользнул по линии немецких окопов в 600 ярдах и задержался на сгоревшем остове «Панцера IV» — на напоминании о куда более жестоком дне. Слева вдали возвышались заснеженные вершины Апеннин. Справа стоял город Орсогна, казавшийся пустым, если не считать немецкого флага, развевающегося на ветру. Этот же ветер пробирал его шинель, как тысяча иголок. По спине пробежала дрожь. Его взгляд вернулся к пулемёту, стоящему на треноге, словно латунный идол, ожидающий жертвы.

— «Старина Хайрем Максим и Альберт Виккерс знали, что делали, когда собрали тебя», — подумал он. — «Ты тяжёлый и неудобный, но в трудную минуту всегда надёжен. Впрочем, теперь, когда у нас есть универсальные транспортеры¹⁵, таскать тебя стало не так уж сложно».

Он вспомнил свою пулемётную подготовку в Англии и рассказы старых пулемётчиков Первой мировой. Вспомнил ветерана из пулемётной роты 100-й британской бригады, который утверждал, что участвовал в самом первом пулемётном заградительном огне 23–24 августа 1916 года. Тот говорил, что они стреляли без перерыва больше 12 часов, и 10 пулемётов их роты выпустили всего лишь на 250 штук меньше миллиона патронов. Все свободные люди роты, а также две пехотные роты, все это время были заняты только тем, что таскали патроны и воду для пулемётов.

— Вот бы на это посмотреть, — вслух сказал он и ласково похлопал Виккерс по кожуху ствола.

Вдруг его вырвал из раздумий вернувшийся напарник — теперь уже выбритый и сытый.

— Я сменю тебя, — сказал он. — Иди в блиндаж, отдохни.

В пятидесяти ярдах позади младший капрал Дуг Риггс сидел на деревянной скамейке, обхватив руками жестяную кружку с горячим чаем, и смотрел на свечу на грубом столе перед собой. Рядом с ним в блиндаже командир пулемётного отделения¹⁶ доедал завтрак и сказал:

— Похоже, сегодня погода будет ничего, Дуг, так что надо бы заняться ходом сообщения. Дожди тут всё разворотили, правда?

¹⁵ Universal Carrier. Данный британский универсальный бронированный транспортёр переднего края один из самых массовых образцов бронетехники в истории, в период 1936–1945 г. было выпущено более 110 тысяч машин.

¹⁶ В оригинале был использован термин Section, но терминология за 25 лет изменилась, в данном случае это значит отделение.

— Ещё бы, — ответил молодой командир пулемётного расчета. — Думаю, надо бы и здесь немного прибраться. Если не будем убирать, будем спать с крысами. С вас и так хлопот хватает.

В комнате раздался смех.

— Если так, — сказал кто-то, напротив, — можешь спать в транспортере.

— Нет уж, — ответил он, — кто-то должен заботиться о вас.

Разговор прервал пулемётчик с третьего номера, за ним вошёл сержант Ловетт, взводный сержант.

— Доброе утро, Элджи, — сказал командир отделения. — Как раз к чаю. Присаживайся.

— Ладно, — ответил тот, — но ненадолго. Командир взвода ушёл на наблюдательный пункт, и мне надо быть рядом с взводным КНП. Зашёл предупредить: держитесь ближе к радио и держите побольше патронов под рукой. Нам дали дополнительную задачу — беспокоить тылы немцев. Мистер Нил даст нам цели, и мы будем обстреливать их сегодня утром. Отделения раскиданы слишком далеко друг от друга, так что данные придут к вам прямо с наблюдательного пункта.

— Без проблем, — ответил командир отделения. — Будем готовы. Дуг, пошли пару человек к тягачам за ящиками патронов, на всякий случай.

Два часа спустя Риггс стоял у края траншеи, неся свою вахту за пулемётом. В ходе сообщения его второй и третий номера наполняли и укладывали мешки с песком. Его водитель помогал расчёту четвёртого номера убирать блиндаж. Через бинокль он внимательно изучал немецкую линию. Никаких признаков движения — да их днём почти никогда и не было. Вся активность происходила ночью. Немецкая артиллерия час назад перебросила несколько снарядов через их позиции, один упал ближе и ранил пару бойцов из Кейп-Бретонских горцев, но в остальном было тихо. Он опустил бинокль, откинулся назад и с удовольствием расслабился, наслаждаясь солнцем.

В двух милях к востоку лейтенант Фред Нил сдвинул каску вправо, чтобы солнце не било в глаза. Солнце светило прямо в наблюдательный пункт. Маскировочная сеть трепетала на ветру, отбрасывая причудливые тени на его плечи, где зелёно-золотой шеврон Фузилёров Принцессы Луизы был пришит над бордовым знаком 5-й бронетанковой дивизии. Внизу раскинулась широкая панорама оливковых рощ, апельсиновых деревьев и разбросанных ферм. Вся местность была безжизненной — ничейная земля. Он осторожно поднял бинокль, прикрыв линзы от солнца, и стал изучать район к северу от Орсогны.

— Вот это да... — пробормотал он себе под нос. Он повернулся к связисту, передал ему бинокль и сказал: — Посмотри-ка. Немцы нынче совсем обнаглели. Идут среди бела дня. По дороге на юг двигалась колонна пехоты.

— Вижу около тридцати человек, сэр, — сказал связист. — И... подождите, да, у них пять, нет, шесть мулов. И все нагружены под завязку.

— Так, — сказал офицер, внимательно изучая карту. — Думаю, через минут десять они будут в зоне поражения. Подними взвод по тревоге, пока я рассчитаю данные.

На позиции командир отделения ломал голову, как слить три дюйма грязной воды со дна хода сообщения, когда связист высунулся из блиндажа и заорал:

— Приказ подготовиться к открытию огня, сержант!

— По местам! — крикнул сержант и нырнул в блиндаж, по пути схватив блокнот со стола и подбежав к радиостанции. Он открыл чистую страницу и записал первые буквы из кодовой фразы: «LAZY ELEPHANTS LAY DOWN TOGETHER AND SLOWLY ROLL OVER».

В пятидесяти ярдах впереди Дуг Риггс дёрнул за рукоятку, чтобы полностью зарядить пулемёт, затем снял его с прямой наводки и вывел ствол на нулевую линию. Двое фузилёров появившихся неизвестно откуда, заняли свои обычные места у пулемёта.

Сержант крикнул:

— ВПРАВО 200 — УГОЛ 2800 — НАВОДКА!

Пока номер два повторял команду, Риггс аккуратно выставил указанные данные на панорамном прицеле. Он повернул маховик вертикальной наводки, подправил рукоятки, и когда марка совпала с вехой вспомогательной точки наводки, крикнул:

— ГОТОВ!

Командир четвёртого номера повторил «ГОТОВ», и сержант продолжил:

— ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ, ВЕТЕР СПРАВА, 15 МИНУТ, БЫСТРЫМ ТЕМПОМ, ЖДАТЬ КОМАНДЫ!

Опять номера два повторили команду, затем всё стихло.

Вдруг справа раздалась очередь — первый и второй номера открыли огонь, в 300 ярдах к востоку. Риггс наблюдал, как их трассеры уходят в небо и исчезают над городом.

— Готовьтесь, ребята, — пробормотал он. — Это одна секция стреляет, мы следующие.

Он не успел договорить, как сержант крикнул:

— ОГОНЬ!

Риггс нажал большими пальцами на спуск, активируя механизм, и ударник пробил капсюль патрона Mark 8Z. 40 гран нитроцеллюлозного пороха вспыхнули, и 175-грановая пуля вылетела со скоростью 777 метров в секунду. Она быстро достигла высшей точки — 49 метров над городом, затем резко пошла вниз, добавляя себя к «граду свинца», сеющему смерть и разрушение в немецкой колонне. Свой путь она закончила в бедре молодого немецкого солдата, в страхе съёжившегося в канаве.

Молодой немец вскочил и, прихрамывая, побежал по канаве, ища укрытие, которого не было. Вокруг царил хаос. Не было слышно стрельбы, только глухие удары пуль о грязную дорогу и канаву. Он слышал рев раненых мулов и крики раненых людей. Он споткнулся о мёртвого товарища, поднялся, теперь уже в полном ужасе. Вдруг он упал лицом в грязь и больше не двигался. Война для него закончилась.

В наблюдательном пункте лейтенант Нил улыбнулся и повернулся к связисту:

— Передай: прекратить огонь. Кто там ещё жив — заслужил передышку.

На позиции Риггс поставил пулемет на предохранитель и вернул его обратно на прямую наводку.

— Интересно, что это было, — спросил его второй номер.

— Не спрашивай меня, — ответил Риггс, — мне тут никогда ничего не говорят. Лучше иди в блиндаж и поставь чай.

ЭПИЛОГ 1 ЧАСТИ

Старик пережил Первую мировую и служил в Ветеранской страже во Вторую мировую. Он умер, как и все старые солдаты, будучи уверенным, что канадский пулемётчик — один из лучших в мире. Лэнс-капрал Ригтс тоже выжил. Он оплакивал уход эпохи пулемёта Виккерса и пулемётного взвода. Он видел, как число пулемётов в батальоне росло, а людей, умеющих с ними обращаться — падало. Он видел, как GPMG¹⁷ использовали там, где автоматическая винтовка C2¹⁸ справилась бы лучше них, а тяжёлые пулемёты оставляли в тылу, потому что в подразделениях не хватало стрелков. Он начал собственную кампанию по возрождению пулемётного мастерства. В 1974 году он опубликовал в «Пехотном журнале» статью под названием «Что случилось с пулемётами?». Вскоре после этого его пригласили в Совет по тактической доктрине.

Доктрина, разработанная этим советом, стала сочетанием уроков прошлого, адаптированных к нуждам будущего. В своих обсуждениях они уделили особое внимание тому, что:

- число пулемётов в батальоне значительно увеличилось;
- противотанковая роль крупнокалиберного тяжёлого пулемёта стала особенно важной;
- пулемёты больше не обслуживаются одними только специалистами;
- организация командования и боевого управления, обеспечиваемые наличием пулемётного взвода, исчезла.

Выводы совета легли в основу тактической доктрины, преподаваемой в Пехотной Школе. В следующем выпуске «Infantry Journal» я расскажу о них подробнее. А пока советую внимательно посмотреть на своё подразделение и найти своих хорошо подготовленных пулемётчиков. Мы обучили их уже 44, и если вам повезло, один из них есть у вас. В следующий раз, когда не будете знать, что делать с пулемётами, спросите у них. Мы вложили много сил в их подготовку и считаем, что сделали это хорошо.

¹⁷ General Purpose Machine Gun, пулемет общего назначения калибра 7,62 мм.

¹⁸ C2A1 LAR, вариант канадской 7,62 мм самозарядной винтовки C1A1 SLR (FN FAL) с автоматическим режимом огня и магазином большой емкости.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА INFANTRY JOURNAL

Первая часть этой статьи была опубликована в 8-м номере журнала. Во второй части автор рассматривает роли, характеристики и принципы применения пулемётов, развивая вымышленный сюжет в увлекательной и познавательной форме. В тех моментах, где официальные руководства и исследование Совета по тактике не дают однозначных указаний, майор Нетте использует свой богатый опыт для пояснения описываемых приёмов.

Пулемёт ДШКМ, оснащённый для ведения огня с закрытых огневых позиций самодельным станком и из-за дефицита панорамных прицелов ПАГ-17 механическим угломером.

4 омсбр ЛНР, 2018 г. Изготовлено и поставлено КЦПН.

Примечание: в период 2015-2022 г.г. и у сепаратистов и у ВСУ основной проблемой для повсеместного введения в практику пулеметного огня с ЗОП оказалась не его низкая эффективность (практика с обеих сторон показала ровно обратное), а психологический блок высоких воинских начальников по необходимости подготовки личного состава, а также оснащения и обеспечения пулеметных расчетов на уровне минометчиков.

«Один народ» (с)

ЧАСТЬ II. ВОЙНА С ФАНТАЗИЕЙ

Война закончилась два месяца назад, и Канаде пришло время чествовать своих героев. Церемония была в высшей степени торжественной. Пяти героям вручили высшую награду страны, после чего состоялась поминальная служба по семи их товарищам, не дожившим до награждения. Потом настало время праздника, и бальный зал в Резиденции правительства был полон парадных мундиров, почтенных господ в смокингах и дам в длинных платьях.

Полковник с золотым аксельбантом на правом плече отделился от официальной делегации. Он находился на ногах весь день и теперь просто хотел немного посидеть. Наполнив бокал у бара, он незаметно прошёл по коридору в библиотеку. Когда глаза привыкли к полумраку, он заметил молодого майора, сидящего в мягком кресле и пристально смотрящего на медаль в своей руке.

Полковник кашлянул и сказал:

— Простите, не помешаю, если я к вам присоединюсь?

— Вовсе нет, — ответил майор, вставая.

— Садитесь, ради Бога, — сказал старший офицер. — Сегодня вы герой, вам не нужно вставать ни перед кем.

— Я не герой, — последовал ответ. — Вот почему я и ушёл от всех этих людей. Не смог бы вынести ни одного лишнего поздравления. Я не заслужил эту награду. Она принадлежит двум другим людям: одному, кто погиб там, и второму, кто, возможно, никогда и не жил.

— Ну-ну, — сказал полковник, — это, похоже, крайне интересная история. Давайте присядем, и вы всё расскажете.

— Видите ли, — начал младший офицер, — я пропустил начало войны. Два года служил в Германии, но, когда начались боевые действия, учился в Командно-Штабном колледже в Торонто. Курс обучения уже почти закончился, и, поскольку во время войны СФАО или управленческие техники никого не интересовали, нас всех отправили обратно в части. Я пытался сразу вернуться в Европу, но не было никакой возможности. Две недели просидел в Трентоне и, надоедая каждый день, в итоге выпросил место на одном из грузовых «Геркулесов», летавших в периоды перемирий. Понятия не имею, где мы приземлились в Европе — точно не в Ларе, а до штаба бригады я пять часов добирался на грузовике. Там я пробыл всего пару часов, когда за мной приехал джип оперативного офицера батальона. Тогда я понял, что дело будет особым — обычно прибывший в часть капитан просто едет с попутной машиной.

Дорога до пункта сосредоточения батальона заняла около 45 минут. Я немного вздремнул, но толком отдохнуть так и не смог. Батальон стоял в густом лесу, и, когда мы свернули на лесную дорогу, я думал только о том, как бы найти спальник и выспаться часов двенадцать. Водитель доставил меня в командный пункт, где часовой, узнав меня, жестом пригласил войти. Внутри я столкнулся с «Десятым», своим старым другом. Он поприветствовал меня и сказал:

— «Девятый» ждёт тебя в своей КШМ, это прямо позади тебя, Джон.

Я нашёл командирский фургон и постучал. Открыл начальник оперативного отдела штаба батальона¹⁹, после чего из-за его спины раздался голос комбата:

— Заходи, Джон. Мы как раз о тебе говорили.

Я сел на койку между ними, прямо перед картой. Полковник не стал тянуть и сразу перешёл к делу:

— Знаю, ты устал, но мне придётся сразу бросить тебя в бой. Хочу, чтобы ты немедленно принял командование ротой А. Майор Спенсер вернулся в Канаду командовать одним из мобилизуемых батальонов, а заместителя командира роты²⁰, который его сменил, прошлой ночью эвакуировали с острым аппендицитом. Твоё прибытие для нас настоящее спасение, у меня просто нет больше никого, кого можно туда отправить. Все три командира взводов очень молодые, и сейчас только ротный сержант²¹ держит всё вместе. Как ты, наверное, уже понял, их нет здесь с нами — они примерно в 50 милях отсюда, на, возможно, самой важной задаче этой войны.

— Вот общая обстановка, — продолжил он, указывая на карту. — Как знаешь, сейчас действует перемирие. Но не обманывай себя — долго оно не продлится. Фантазийцы просто используют его, чтобы перегруппироваться и пополнить передовые части. Как только будут готовы, всё начнётся снова, скорее всего, без предупреждения. Мы ожидаем, что они попытаются создать плацдарм здесь (он показал на карту), и когда это случится, мы будем ждать их вот тут. Но есть шанс, что они только сделают вид, а на самом деле перейдут вот в этом районе (он показал на верхний правый угол карты). Там их никто не остановит, и, переправившись, они смогут пройти по долине и вбить клин между 7-м корпусом и зоной тыловых коммуникаций. Тебе не надо объяснять, чем это грозит.

— Нашей бригаде поручено не допустить такого развития событий. Позиции намечены вот здесь (снова показывает на карту), сейчас там работают наши сапёры. Но есть проблема — нам нужно быстро покинуть занимаемые сейчас позиции и успеть занять назначенный район. Это займёт время, и, если не задержать противника, фантазийцы могут опередить нас и разделить бригаду в походных колоннах.

— А авиация не сможет их задержать, пока мы перебрасываемся? — спросил я.

— Возможно, но нельзя рассчитывать на превосходство в воздухе, да и погода не всегда благоприятствует, — ответил он. — Нет, нам нужно что-то надёжное на земле, чтобы выиграть время для остальных. Вот тут и нужна твоя рота. Есть одно место примерно на полпути по долине, где нам можно будет задержать врага. Это естественное дефиле: слева болото, справа густой лес.

¹⁹ S3, строго говоря название должности переводится как оперативный офицер, или офицер по оперативному планированию. Стоит отметить, что должности начальника штаба в батальоне НАТО нет, Executive Officer (EO/XO) дословно «исполнительный офицер», это замкомбата.

²⁰ Executive Officer (EO/XO)

²¹ Наполнение термина ротный сержант (сержант-майор) в армиях европейской военной традиции значительно шире, чем у отечественного старшины, которому соответствует сержант снабжения (каптенармус).

Болото доходит до реки, а за лесом большое озеро, так что обойти вас практически невозможно. Рота А там уже окопалась. Я хочу, чтобы ты немедленно выехал, принял над ней командование и дал мне всё то время, которое только понадобится. Это может быть от трёх до восьми часов после вхождения в боевое соприкосновение.

Наш планировщик продолжил инструктаж:

— Боюсь, там ты будешь почти полностью предоставлен сам себе, Джон. Тебя подчинены две секции TOW по три самоходные пусковые установки²² в каждой и разведывательная группа из разведвзвода. Не проси танков, у нас их просто нет. Для твоей позиции есть план артиллерийской поддержки, зарегистрированный в системе артиллерийской обеспечения²³, но огневые позиции наших орудий вне зоны досягаемости. Если появится угроза, они будут первыми, кого перебросят на твоё направление, одновременно к тебе прибудет офицер-корректировщик. Лучшая возможная поддержка для тебя будет с воздуха. Бригаде приданы эскадрилья А-10²⁴ и несколько TOW-Кобр²⁵, их сразу же запланируют на тебя, как только станет ясно, что враг идёт в твою сторону. Советую заранее наладить с ними связь.

— Это всё, что мы можем сказать, — заключил командир. — У нас развернуты два радиопоста, чтобы всегда поддерживать связь с тобой, и мы будем держать тебя в курсе. Не могу переоценить важность этой задачи. Относись к позиции как к линии жёсткой обороны, которую необходимо держать до последней возможности, а не как к сдерживающему рубежу. Если при отходе придётся бросить часть имущества, не переживай.

— И ещё, — добавил начальник оперативного отдела. — Пару дней назад инженеры поставили там минное поле, возможно, завтра сможем выделить тебе минный заградитель и ещё немного мин.

Я вышел из КШМ с тяжёлой головой. «Всё происходит слишком быстро», — подумал я.

Джип с водителем уже ждал, и меня отвезли в первый эшелон тыла батальона, где я получил у адъютанта полевое обмундирование и шлем, а у приветливого квартирмейстера спальник. Мне было приятно наконец-то снять с себя мундир, который я носил почти три дня подряд. Последний визит в штаб — чтобы договорился об отправке ко мне в роту авиационного наводчика, и чтобы нанести последнюю обстановку на карту, и я отправился в путь.

Дорога к роте ALPNA заняла около полутора часов, и, хотя я был измотан, адреналин не давал уснуть. Когда я прибыл на новое место, выглядел, наверное, как смерть с косой. Ротный сержант-майор явно был рад меня видеть. Он влил в меня две кружки кофе, быстро ввёл в курс дела и провёл по позициям.

²² Подразумеваются противотанковые отделения, вооруженные тяжёлыми ПТРК BGM-71 TOW установленными на БТР M113. Здесь и далее термин секция и отделение используются как синонимы.

²³ В оригинале использовано сокращение FSCC (Fire Support Coordination)

²⁴ Штурмовик Fairchild Republic A-10 Thunderbolt, по ТТЗ созданный как противотанковый самолёт, вокруг 30-мм семиствольной пушки GAU-8/A.

²⁵ Вертолеты Bell AH-1 Cobra вооруженные ПТРК TOW.

1-й взвод занимал оборону на переднем скате холма, 2-й — слева, в фермерском комплексе. Командный пункт роты находился за 2-м взводом, в лесу. 3-й взвод находился в лесу на склоне долины, в 500 метрах позади штаба. Бронетранспортёры М113²⁶ взводов первой линии были отведены в лес, к пункту размещения 3-го взвода. Разведгруппа окопалась далеко впереди на наблюдательном пункте, отделения ПТРК занимали позиции на флангах роты. Все три взвода были хорошо укрыты и сняли с техники для работы из пехотных боевых порядков по одному крупнокалиберному пулемёту²⁷.

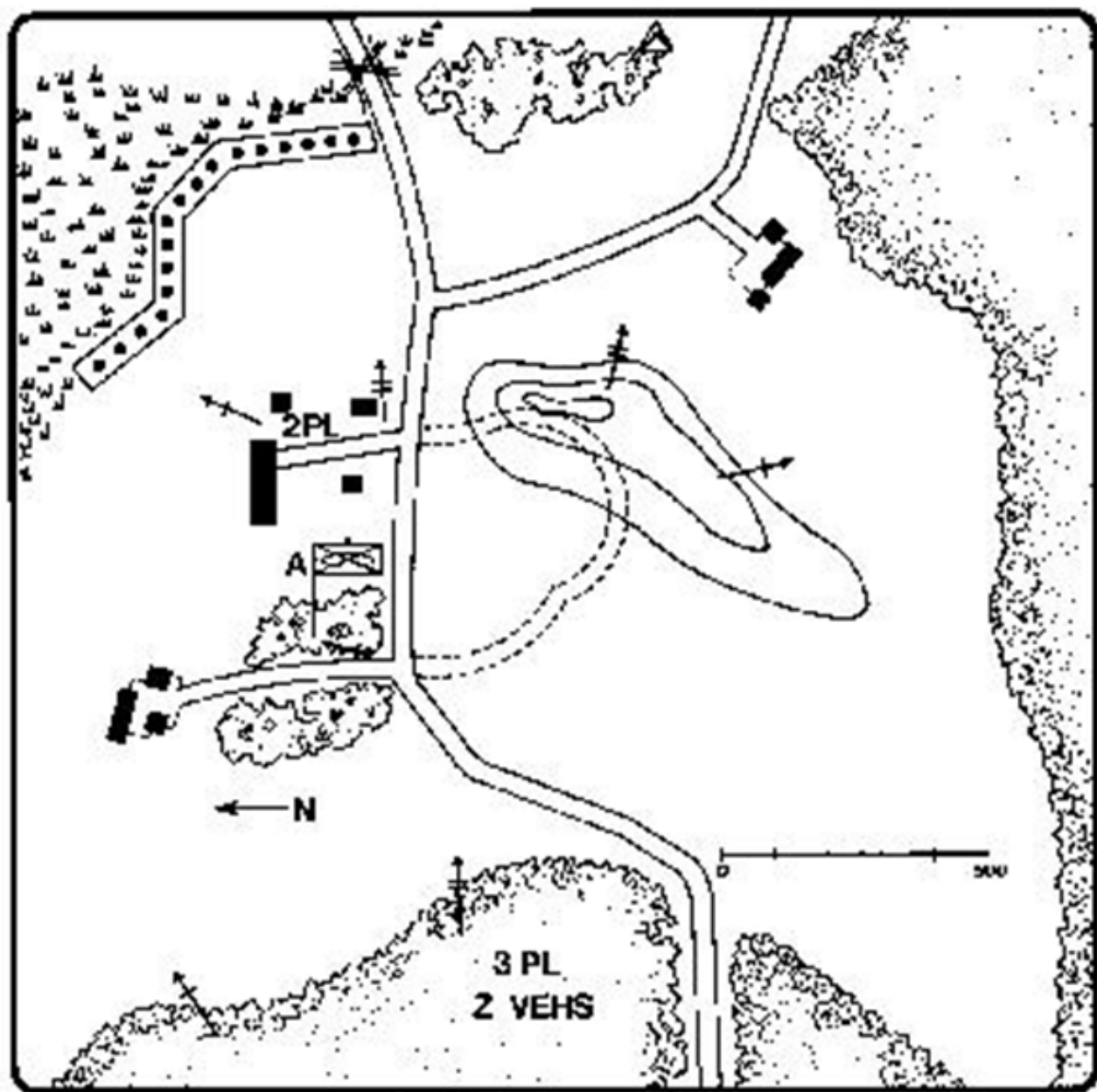

Рис. 1 — Исходное размещение подразделений, техники и огневых средств

²⁶ Использован термин Zulu-vehicles

²⁷ Использован термин HMG, в данном случае это синонимы.

Когда мы вернулись в штаб роты, солнце почти село и в роще сгустились сумерки.

— Простите, если я немного не в себе, ротный сержант, — сказал я, — но не спал уже три дня. Думаю, всем будет лучше, если я сейчас лягу отдохнуть. У меня есть пара замечаний согласно полученной информации и мне ещё многое нужно узнать о позиции. Разбудите меня на рассвете и назначьте совещание на 8:00.

— Есть, сэр, — ответил он. — Если пойдёте за мной, я покажу вашу палатку. Ваш водитель уже разложил спальник, я буду рядом, если что понадобится.

Я поблагодарил его и забрался под тент. С трудом заставил себя снять ботинки и не запомнил, как оказался в спальнике.

Типичный канадский пехотинец периода 1970-80-х годов, вооружённый автоматической винтовкой (ручным пулемётом) C2A1 LAR.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАРИКА

Что меня разбудило — не знаю, а может, я и вовсе не просыпался. Я почувствовал себя бодрым и полным сил, и вдруг мне захотелось выбраться из спальника и пройтись по ночному воздуху. Я прошёл мимо палатки ротного сержанта и свернул в лес, не зная, куда и зачем иду. И тут я увидел его. Он сидел под деревом, совершенно неподвижно. Сначала я подумал, что это наш часовой, и уже собирался сделать ему выговор за то, что подпустил меня так близко. Но потом заметил, что у него форма не того покроя и каска не той формы.

«Фантазиец», — подумал я и начал тихо пятиться назад.

Он медленно поднялся и повернулся ко мне:

— Я ждал тебя, — сказал он. — Пойдём, нам многое нужно увидеть, а времени мало.

Я стоял, не в силах вымолвить ни слова, и внимательно его разглядывал. На нём была форма цвета хаки с обмотками до колен и каска-тазик образца Первой Мировой. На петлицах — скрещённые пулемёты Виккерса Канадского пулемётного корпуса, на рукавах — по три выцветшие нашивки. Глаза его были глубоко запавшими, он казался очень старым. В нём было что-то призрачное, и по спине у меня пробежал холодок.

— К-кто вы? — выдавил я.

— Меня зовут Старик, — ответил он. — Я пришёл из прошлого, чтобы предупредить тебя о будущем. Здесь будет большое сражение, и оно закончится для тебя плохо. Повернись и посмотри на себя.

Он указал на КП позади меня, и когда я обернулся, сцена изменилась. Был день, в воздухе висел запах пороха и горящего дизельного топлива. Командный пункт был цел, но мой джип, стоявший рядом, уже догорал. Рядом лежал безжизненный ротный сержант, за ним — ещё несколько тел. Я увидел себя самого, сидящего на аппарели своего БТР, с опущенной головой и руками за спиной. По бокам стояли фантазийские солдаты с примкнутыми штыками. Стоящий передо мной офицер медленно листал мою полевую записную книжку. Но самое удручающее — это огромный пылевой шлейф на дороге и гул сотен тяжёлых гусеничных машин, выходящих в тыл группировки НАТО.

Я отвернулся и спросил:

— А что с остальной бригадой?

— Уничтожена, — последовал ответ. — Её прихватили на марше на пути к новым позициям.

— Но как это могло случиться? — спросил я. — Моя позиция была хороша, а продержаться нужно было недолго.

— Ты совершил две роковые ошибки. Во-первых, недооценил противника. Не учёл скорость и ударную мощь атаки механизированных подразделений. Но ты мог бы выжить, если бы правильно использовал пулемёты. Это была твоя главная ошибка. Большинство пулемётов так и не были развёрнуты, а те, что были, не использовали все свои возможности. Ты пренебрёг их ролью в бою и не

учёл принципы их размещения. Посмотри ещё раз на то, что тебя ждёт, а потом мы вернёмся в настоящее. Мне нужно кое-что показать, а времени мало.

Пока я с ужасом смотрел на картину разрушения, она постепенно исчезла, всё вернулось в норму. Запах боя исчез, гул танков сменился стрекотом сверчков в сене. Всё это был дурной сон, подумал я, но Старик всё ещё был рядом. Он закинул на плечо Ли-Энфилд и сказал:

— Пойдём, — в его голосе звучала тревога.

Вдруг мы оказались на позиции 1-го взвода, где кроме двух часовых у пулемёта никого не было видно. Старик подошёл к краю окопа и жестом пригласил меня.

— Не беспокойся о них, — сказал он, указывая на солдат. — Они нас не видят и не слышат. Скажи, почему этот пулемёт стоит именно здесь?

Я растерялся и чуть не признался, что не я его тут поставил. Но это показалось неуместным.

— Потому что это хорошее место для пулемёта, — выпалил я.

Старик посмотрел на меня с видом «будет сложнее, чем я думал» и сказал:

— Правда? А почему?

— Если бы не было так темно, вы бы сами увидели, — ответил я, надеясь выкрутиться.

Он махнул рукой — и вдруг стало видно на мили вокруг.

— Так лучше? — с иронией спросил он.

Внутри я понимал, что только усугубляю ситуацию, но всё равно чувствовал раздражение: что этот старик может знать о современной войне? Он, наверное, умер до того, как изобрели бронетранспортёры. Но надо было что-то сказать, и я начал объяснять:

— Очевидно, что к позиции ведут только два подхода. Левый перекрыт минным полем, остаётся только фронтальный. Любой, кто пойдёт по нему, попадёт прямо под ствол пулемёта. У наводчика отличный сектор — почти 180 градусов, и с такой высоты он видит на мили.

Старик долго молчал, а потом сказал:

— Такой ответ может пройти в Командно-Штабном колледже, но на войне он погубит тебя и твоих людей. Какой смысл в секторе 180 градусов, если у пулемёта только 800 тысячных на шкале горизонтальной наводки? Зачем наводчику видеть на мили, если он будет стрелять максимум на 1000 метров?

Я почувствовал себя очень неуверенно.

— Проблема этой позиции в том, что пулемёт на неё поставили в последнюю очередь. Был приказ: в каждом взводе снять по одному тяжёлому пулемёту, вот его и воткнули сюда после всех остальных. У него нет конкретных целей, ни одна из вероятных зон появления противника не пристреляна. Я знаю, что ты не виноват, но отвечать придётся тебе, если не исправишь ситуацию.

Меня охватило чувство тревоги. Сколько ещё пулемётов у меня прикрывают сектора, которые им не по силам? Я начал понимать, что мало чего знаю о пулемётах.

— Что бы вы сделали на моём месте? — спросил я.

РОЛИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

— Первым делом я бы напомнил себе основную задачу крупнокалиберного²⁸ пулемёта: уничтожение вражеской легкобронированной техники. Убедившись, что этот пулемёт действительно может выполнять свою главную задачу, я бы определил конкретную зону, где вероятно появление БТР противника. Только после этого искал бы место для пулемёта. При выборе позиции я бы учёл шесть основных составляющих пулемётного огня и попытался максимально использовать каждую из них. Давай рассмотрим их на примере этого пулемёта. Сначала — дальность. Тяжёлый пулемёт достаточно точен до 1850 метров, но на такой дистанции эффективен только по незащищённым целям. Для расчёта максимального расстояния действительного огня по цели нужно учитывать бронепробиваемость. Пуля патрона С44 AP/T²⁹ пробивает лоб большинства фантазийских БТР до дистанции 550 метров. Я сказал «большинства» — с лобовой бронёй БМП есть проблема, но об этом позже³⁰. С борта они уязвимы до 725 метров и даже дальше, в зависимости от точки попадания. Для такой бронепробиваемости нужен угол встречи от 30 до 90 градусов. Одного попадания по БТР может быть недостаточно — тут становится важен объём, или если угодно плотность огня. Траектория — ещё один важный фактор. У Браунинга пятидесятого калибра траектория очень пологая, на ровной местности можно вести настильный огонь на постоянном прицеле до дистанции 1000 метров.

Видя моё замешательство, Старик пояснил:

— Это значит, что на всём пути до цели пули не поднимаются выше роста человека. Но поскольку пулемёт стоит на возвышенности, это преимущество не используется: между стволом и зоной поражения минимум 300 метров, где БТР может пройти под снопом траекторий, не получив ни одной пули. Этот сноп. Или конус огня пулемёта — следующая характеристика. При стрельбе очередями любой пулемёт вибрирует, и каждая пуля летит чуть по-своему. На земле это образует так называемый эллипс поражения. Её размер и форма зависят от типа пулемёта, станка и дистанции. У крупнокалиберного пулемёта зона поражения длинная и узкая. Чтобы использовать её по максимуму, надо заранее предполагать, в каком построении появятся силы противника, и поставить пулемёт так, чтобы зона поражения накрывала как можно больше целей.

В голове у меня мелькали сотни вопросов, но он продолжил:

— Не знаю, сколько у меня осталось времени, поэтому покажу главное. Смотри на этот окоп. Обычный L-образный, хорошо выкопан, но подходит только для стрелков. Пулемёт просто стоит перед ним.

²⁸ В оригинале используется термин HMG, в данном контексте он означает именно крупнокалиберный пулемет.

²⁹ 50 BMG C44 AP/T – патрон с бронебойно-трассирующей (AP-T) пулей массой 955 гран и сердечником из карбида вольфрама. На момент написания произведения самый мощный бронебойный боеприпас к M2HB в арсеналах стран НАТО.

³⁰ **ВАЖНОЕ УТОЧНЕНИЕ:** данные бронепробиваемости патрона С44 AP/T в Канаде засекречены до сих пор и показываемом практическом примере **СУЩЕСТВЕННО ЗАНИЖЕНЫ** к реальности.

Вдруг прямо перед нами полыхнула вспышка взрыва. Пулемёт отбросило в одну сторону, короб с патронами улетел в другую.

— Этот пулемёт, может быть даже исправен, — заметил наставник, — но сейчас он вышел из строя. Если бы он был закопан так, чтобы ствол едва возвышался над землёй, он бы продолжил вести огонь.

Я подумал: надо завтра первым делом закопать все треноги.

— Этого мало, — перебил Старик.

— Как вы узнали, о чём я думаю?

— Неважно. Главное, пулемёт должен стоять не только низко, но и прямо в окопе рядом с тобой. Смотри, что бывает, если это не так.

Старик взмахнул рукой, и мы оказались в разгаре боя. Я видел только действия двух пулемётчиков в окопе передо мной. Треножный станок была закопан в землю, пулемёт вёл огонь. Вдруг он замолчал. Первый номер дёрнул за рукоятку, проверил затвор:

— Нет подачи! — крикнул он. — Шомпол, пуля в стволе!

Пока наводчик поднимал крышку, второй номер вытащил ленту и замешкался, понимая, что для устранения задержки ему надо будет подняться из окопа наверх. Первый номер подбодрил его и передал шомпол. Помощник, собравшись с духом, поднялся на бруствер — и тут же попал под очередь РПК. Он упал на пулемёт, прижимая руки к груди. Растерянный первый номер остался стоять, как вкопанный.

Видение исчезло, и Старик продолжил:

— Опять пулемёт вышел из строя из-за неправильно подготовленного окопа. Если бы пулемётная площадка была U-образной с углублением под треногу, расчёт мог бы работать, не высываясь, и пулемёт остался бы в строю. К тому же можно было бы повернуть его на 180 градусов в экстренной ситуации. Да, пришлось бы отсоединить механизм тонкой наводки и точность бы упала, но, когда враг вот-вот ворвётся в окопы, важнее плотность огня, а не его точность.

— Я упоминал, что с лобовой бронёй БМП есть проблема. Смотри, что будет, если боевая машина пойдёт прямо на пулемёт.

Снова бой вокруг, но теперь пулемёт находился в правильном окопе. Вокруг рвались снаряды, всё было в дыму. В просвете я увидел БМП, идущую прямо на нас, метрах в пятистах впереди. Наводчик прицелился в лоб, дал короткую очередь — пули легли в землю перед машиной, поднимая пыль и комки грунта. Корректировка, ещё одна очередь. На это раз трассеры ударили в лобовую броню, однако машина продолжила движение. Наводчик продолжил стрелять и попадать в цель, но БМП всё равно приближалась.

Старик толкает меня:

— Лобовая броня этой штуки — как лезвие штыка, угол наклона всего 10 градусов к горизонту. Видишь, как пули уходят на рикошет?

— Но ведь вы говорили, что задача пулемёта уничтожать такие цели? Как это возможно, если он не пробивает броню?

— Смотри дальше, — ответил Старик.

БМП приблизилась на 300 метров. Вдруг с левого фланга мелькнули трассеры. Одна очередь, вторая, третья — и машина резко ушла вправо, остановившись и задымив. Из люков выскочили пятеро с АКМ. Тут ровный стук пятидесятого калибра сменился стрекотанием 7,62 миллиметрового GPMG. Двое из числа выскочивших упали, остальные укрылись за подбитой машиной, выбыв из боя.

— Кто ведёт этот огонь? — спросил я. — У меня ведь там нет пулемётов.

— Вот в этом-то и беда, — медленно ответил Старик. — А ведь они должны были там быть!

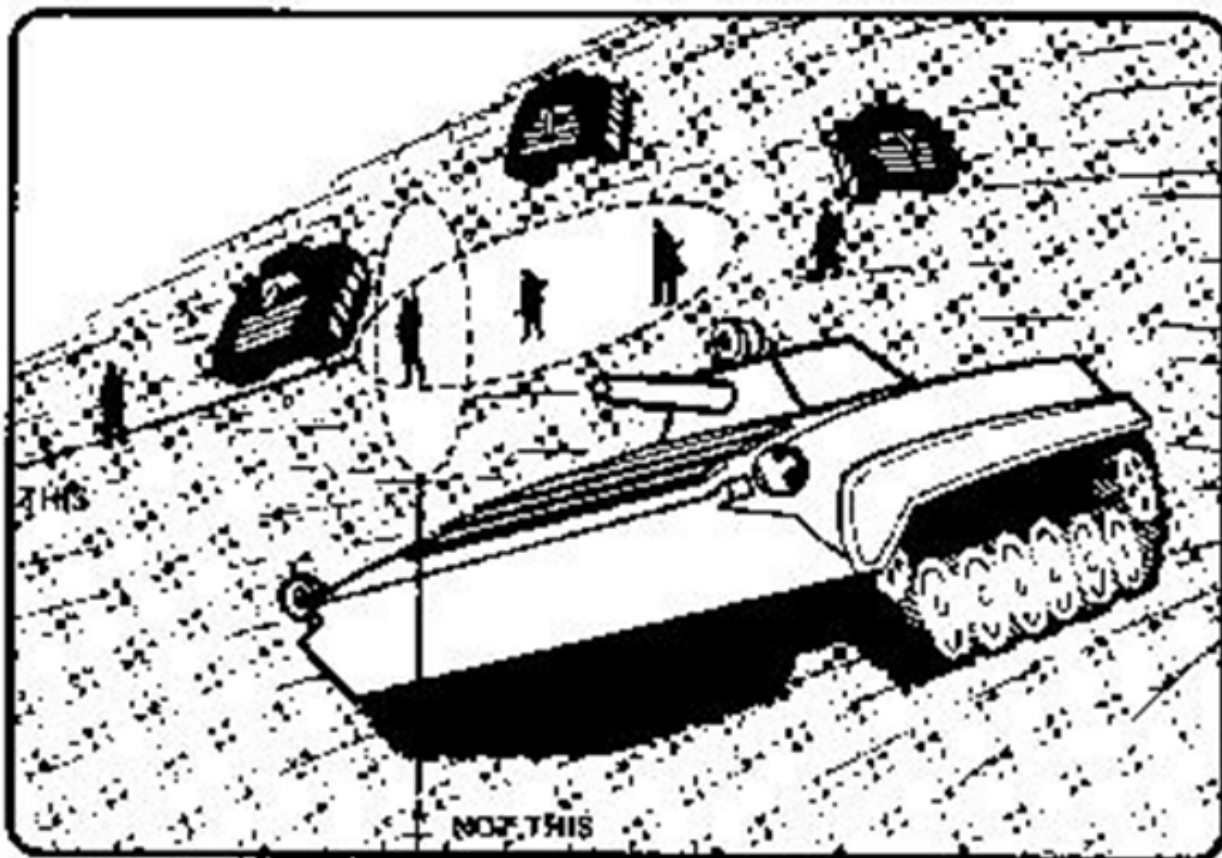

Рис. 1А — С фронта лобовая броня БМП имеет высокие углы наклона, большинство бронебойных пуль уйдёт на ricochet. Однако, бортовая броня данных машин достаточно тонкая, и расчёты могут это использовать.

Он дал мне время осознать сказанное и продолжил:

— Ты должен понять, что обороняешь ключевую позицию. Если она падёт до отхода бригады, группировку НАТО ждёт тяжёлое поражение. К сожалению, враг это тоже понимает. Он знает, что ты здесь, и пойдёт на всё, чтобы тебя уничтожить. Его артподготовка это до 200 орудий и 4000–5000 снарядов за 30 минут. Первая волна — 10 танков Т-72 и 31 БТР. Они атакуют по широкой полосе, по обоим направлениям. Не думай, что минное поле надолго задержит наступающих. За первой волной будет вторая, за ней — резерв. А потом — главный удар, танками, по целям в тылу. Если всё пойдёт по их плану, ты ничем

не сможешь им помешать, и они просто пройдут по твоим трупам. Если сможешь задержать их на три часа, тогда выполнишь задачу.

— Главная проблема противотанковая борьба. ПТРК и авиация уничтожат часть танков, но фантазийцы прикроются дымом, и дальнобойное оружие станет малоэффективным. Настоящий бой будет здесь, на твоей позиции. Помни: на ближней дистанции даже самый современный танк уязвим для решительного пехотинца с «Карлом Густавом»³¹ или M72³². Поэтому за танками сразу идёт пехота — чтобы зажать твоих людей в окопах, пока танки их расстреливают и давят. Твой успех в отсечении танков от пехоты. Самый лучший способ для этого, создать стену пулемётного огня между ними. Держи пехоту на расстоянии, пока разбираешься с танками.

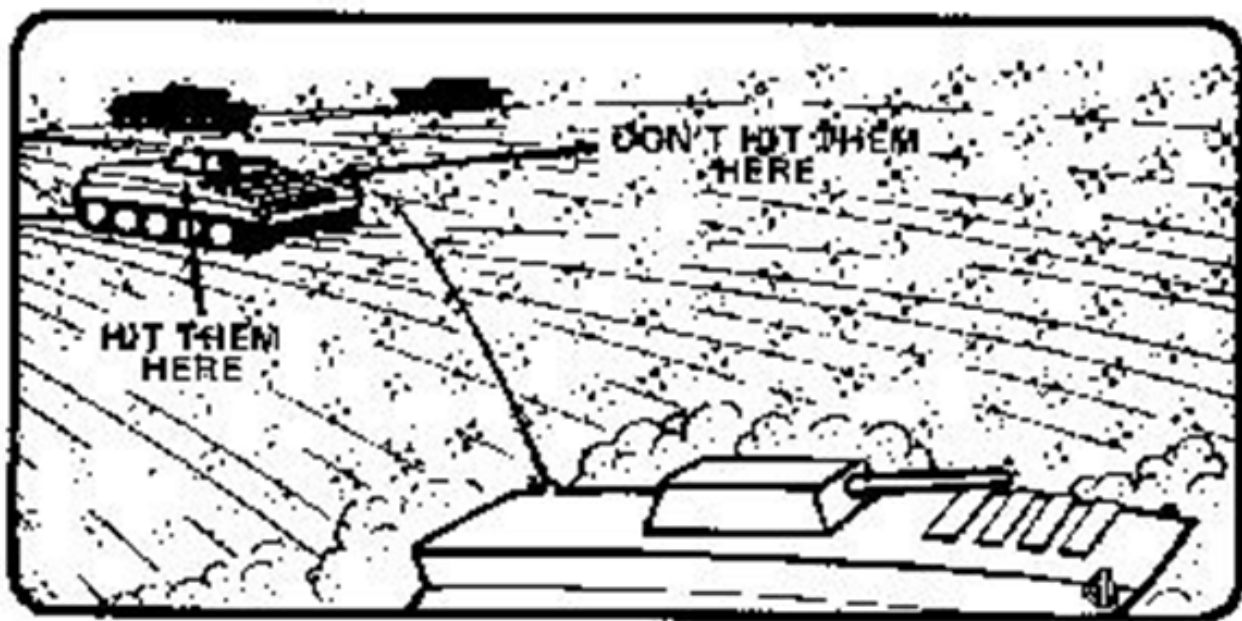

Рис. 1В — Пулемёты должны быть размещены так, чтобы поражать противника с фланга, накрывая зону поражения с максимальным числом целей.

В голове сотни мыслей непрерывно меняли друг друга. Старый воин поднял очень важные вопросы, и я мог ими воспользоваться. Но с чего начать?

Старик снова прочёл мои мысли:

— Прежде всего, полностью пересмотри свой замысел. Определи зоны поражения и взаимную поддержку между взводами. Потом размести пулемёты с учётом этих зон, их боевых характеристик и принципов применения. Уверен, ты обнаружишь, что пулемётов у тебя явно не хватает. Придётся снять с машин ещё несколько штук.

— А где взять расчёты для этих пулемётов? — спросил я. — Даже если взять по два человека на пулемёт, то ещё десять штук, это минус двадцать стрелков.

³¹ 84 мм ручной противотанковый гранатомет SRAAW (M), он же Carl Gustav, 84, он же Carl G, он же MAW. Выдавался по одному на стрелковое отделение

³² 66 мм одноразовый ручной противотанковый гранатомет (граната) SRAAW (L), он же M72 SRAAW (L), он же LAW.

— Лучше всего на это ответил бригадир Брутэнель, командующий Пулемётным корпусом в мою войну. В 1917 году британцы во Франции хотели сократить пулемётные роты ради пополнения пехоты. Его спросили, что он об этом думает, и он сказал: «Это всё равно что остановить большие машины на заводе, чтобы освободить людей для мытья окон. Сокращение пулемётов не решит проблему нехватки людей в пехоте, но точно снизит её огневую мощь. Вместо этого нужно сделать так, чтобы пулемётов стало больше, чтобы огневую мощь как минимум сохранить, а лучше увеличить». Таким образом, количество пулемётных рот не было сокращено с двенадцати батальонов до девяти. Фактически, число пулемётов в них даже увеличили. Тебе надо поступить таким же образом. Два стрелка в окопчике мало что могут сделать в ходе боя, и уж точно не уничтожат БТР и не прижмут огнём их десант. А вот если у них есть пулемёт, это совсем другое дело.

— Всё это хорошо, — возразил я, — но как мне обучить столько новоиспеченных пулемётчиков за такое короткое время?

— Не такая уж это проблема, — ответил он. — В 1918 году, когда немцы прорвали фронт, у нас были такие потери, что мы брали в расчёты даже Конных гвардейцев, снятых с постов у Букингемского дворца. Мы быстро их обучили, а наш пулемёт был куда сложнее твоих. К тому же все твои солдаты уже проходили пулемётную подготовку. Найти подходящих людей несложно. А вот управлять ими будет сложнее. Нельзя, чтобы каждый стрелял, когда и сколько захочет. Даже просто организовать взаимодействие такого количества пулемётов — это уже очень серьёзная задача. К счастью, к тебе вчера прибыл один человек, который может помочь. Он только что окончил курс усиленной подготовки пулемётчиков в Пехотной школе и даже пытался поговорить с тобой о правильной организации пулемётного огня. Но твой ротный сержант его прогнал.

Вдруг образ Старика начал бледнеть. Его образ стал размытым, голос — будто доносящимся издалека:

— Меня тянет обратно в моё время, так что я больше не могу тебе помочь. Помни: ты ещё можешь выиграть этот бой, но для этого должен превратить подразделение в настоящую пулемётную роту. Инструменты у тебя есть. Как их использовать — решать тебе.

И он исчез.

СЕРЖАНТ ВЕСТ

Следующее, что я помню, это как сержант-майор разбудил меня и протянул кружку с горячим кофе. Яркое солнце, пробивающееся сквозь кроны деревьев, говорило о том, что солнце встало уже довольно давно.

— Мы дали вам поспать, сэр, — сказал он. — Вы вчера были совсем вымотаны, так что я решил, что вам нужен отдых. Сейчас мы готовим завтрак, а командиры взводов придут на совещание через час.

Я поблагодарил его, он ушёл. Я сделал глоток кофе, отложил кружку и прилёг, чтобы подумать. То ли меня навестило нечто потустороннее, то ли это был просто интересный сон, я не узнаю этого никогда. Но я помнил всё в деталях и был уверен: первым делом нужно разобраться с пулемётами. Но с чего начать? Решил, что сначала надо найти и связаться с тем самым выпускником Пулеметного курса, о котором говорил Старик. На часах было десять минут восьмого, а совещание назначено на восемь, так что надо было спешить.

Я выбрался из спальника, быстро оделся и пошёл в КП.

— Доброе утро, сэр, — поприветствовал меня дежурный связист. — Ваш завтрак почти готов, а на плите есть горячая вода для бритья.

— Спасибо, — ответил я. — Я послушаю радио, а вы позовите ротного сержанта.

Мне нужно было выяснить, кто этот пулемётчик, не упоминая Старика. Я представлял, что подумают люди о своём новом командире, если узнают, что ему приходят видения.

Когда вошёл сержант-майор, я был наполовину побрит, так что решил рискнуть:

— Есть несколько вопросов, которые мне нужно прояснить, старший, — сказал я. — Думаю, лучше перенести совещание на 10:00. Меня очень беспокоит размещение пулемётов. У меня есть свои идеи, однако нужен технический совет. Есть ли у нас недавно обученные в Пехотной школе сержанты-пулемётчики?

— Забавно, что вы это спросили, — ответил он. — Есть сержант по фамилии Вест, он прибыл с пополнением прошлой ночью. Говорит, что только что прошёл курс усиленной подготовки. Я распределил его в третий взвод. Могу привести его минут через двадцать, если хотите.

— Да, пожалуйста, — ответил я, довольный собой. — Это даст мне время привести себя в порядок и позавтракать. И ещё: попросите кого-нибудь с художественными способностями начертить мне схему позиций роты.

Я допивал вторую кружку кофе, когда пришёл сержант. Он был моложе, чем я ожидал, но выглядел собранным и деловым. Он отдал честь, представился. Я ответил, предложил кофе и пригласил сесть под большое дерево перед командным пунктом. Через минуту я присоединился к нему.

— Буду с вами честен, сержант, — начал я. — Я знаю о пулемётах ровно столько, чтобы понимать, что мы используем их неправильно. Не знаю, с чего начать, и мне нужен помощник, который даст дельный технический совет. Надеюсь, вы тот человек.

— Я постараюсь помочь, сэр, — ответил он. — Я только два месяца назад закончил курс подготовки, всё ещё свежо в памяти. Могу сказать, что я уже обдумал нашу ситуацию и у меня есть несколько предложений.

— Отлично, — сказал я, — но прежде, чем начать, хочу прояснить для себя основы. Я в курсе ролей, характеристик и прочего, но слабо помню принципы размещения пулемётов.

Старик упоминал их, но так и не объяснил в подробностях.

— Навскидку, вы их помните?

— Как тут забудешь, — рассмеялся он. — Капитан, который вёл наш курс, был фанатиком этих принципов. Вдалбливал их в наши головы, пока мы не смогли повторить даже во сне. Любил говорить, что, если бы Моисей был пулемётчиком, заповедей было бы восемь, а не десять. Давайте я их расскажу по одной, а мы обсудим, как они применимы к нашей ситуации?

— Отличная идея сержант, — ответил я. — И какая заповедь будет первой?

Базовые принципы боевого применения пулемётов оказались просты.

— Самый базовый принцип — это ВЗАИМНАЯ ПОДДЕРЖКА! — начал Вест. — Нужно, чтобы ни один пулемёт не стоял на изолированной, неприкрытой позиции. Если это возможно, каждый из пулемётов должен быть расположен так, чтобы другой мог вести огонь по его сектору обстрела и нему самому, если пулемёт захватят. Конечно, это редко достижимо для всех, иногда придется дополнять пулеметы автоматическими винтовками³³ или парой стрелков.

— Второй, пожалуй, самый важный — КООРДИНАЦИЯ ОГНЯ. Всё начинается с правильного заполнения карточек огня, с данными пристрелки и нумерации целей. Карточка пулемётчика много важнее, чем у стрелка. Часто наводчик пулемёта не сможет наблюдать цель, но его огонь будет безусловно необходим. У каждого пулемёта должен быть карточка огня с данными по основному сектору обстрела³⁴ на 4–5 целей. Как только станок будет установлен и надёжно закреплен, данные угла возвышения и направления по каждой цели должны быть внесены в карточку. Тогда расчёт сможет поразить любую обнаруженную цель, даже не наблюдая её с своей позиции.

— Первичная координация огневой системы производится на взводном уровне. План огня пулемётов строится примерно так же, как миномётный или артиллерийский. Главное, чтобы все говорили на одном языке. Общим целям — общие номера, без повторов. Пулемёты пристреливают не только свои, но и чужие цели и ориентиры, если они наблюдаются. Координировать это может мастер-капрал по оружию, взводный сержант или сам командир взвода.

— После взводов надо объединить в единую огневую систему пулемёты всей роты. Это очень трудоёмко, если всё делать правильно, и вряд ли у вас как командира роты найдется на это время. Если хотите, я сделаю это за вас:

³³ Стоит напомнить, что под автоматической винтовкой подразумевается C2A1 LAR, аналог РПК.

³⁴ В оригинале FPF, возможно, Functional Position Fire

составлю общий список целей и большую схему пулемётного огня для лучшего управления боем.

— Взаимодействие организовывается и дальше, но об этом позже. Главное для вас — согласовать систему огня пулемётов с артиллерией, TOW и другими средствами. Тут я мало чем вам помогу, только вы видите всю картину.

— Вижу, что координация займёт много времени, — перебил я. — Давайте остальные шесть.

— Третий принцип — ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ. Это помогает круговой обороне и повышает плотность огня в зонах поражения. Данный принцип неразрывно связан с четвёртым — РАЗМЕЩЕНИЕ ПАРАМИ. Иногда нужно почти непрерывно держать цель под огнём. Наши пулемёты этого делать не могут, поэтому надо их использовать по два, ведущих огонь поочередно. И помните: природа всегда на стороне скрытых проблем, смотрите закон Мёрфи. Гильза может застрять в патроннике в любой момент, так что второй пулемёт может решить исход боя. Хорошим решением будет сочетать огонь крупнокалиберных пулемётов с пулемётами общего назначения: пуля калибра 7,62 мм не пробивает броню БТР, в то время как тратить дорогие бронебойные боеприпасы на пехоту очень расточительно. Идеальное расположение, это пара пулемётов примерно в 25 метрах друг от друга под единым командованием. Но это возможно не всегда, иногда придётся брать пулемёты из разных взводов — тогда организация взаимодействия существенно усложняется.

— Следующие два принципа идут вместе: РАЗМЕЩЕНИЕ В УКРЫТИИ и ОРГАНИЗАЦИЯ ФЛАНКИРУЮЩЕГО ОГНЯ. Укрытие — это когда между вами и вражеским огнём находится что-то твёрдое и не прозрачное, фланговый огонь — когда вы бьёте по противнику в борт. Каким бы заманчивым это не казалось, нам точно не нужно, чтобы враг смотрел прямо в стволы наших пулемётов. Давайте я покажу это на схеме.

Я дал ему блокнот и карандаш.

Вест быстро нарисовал примитивную схему:

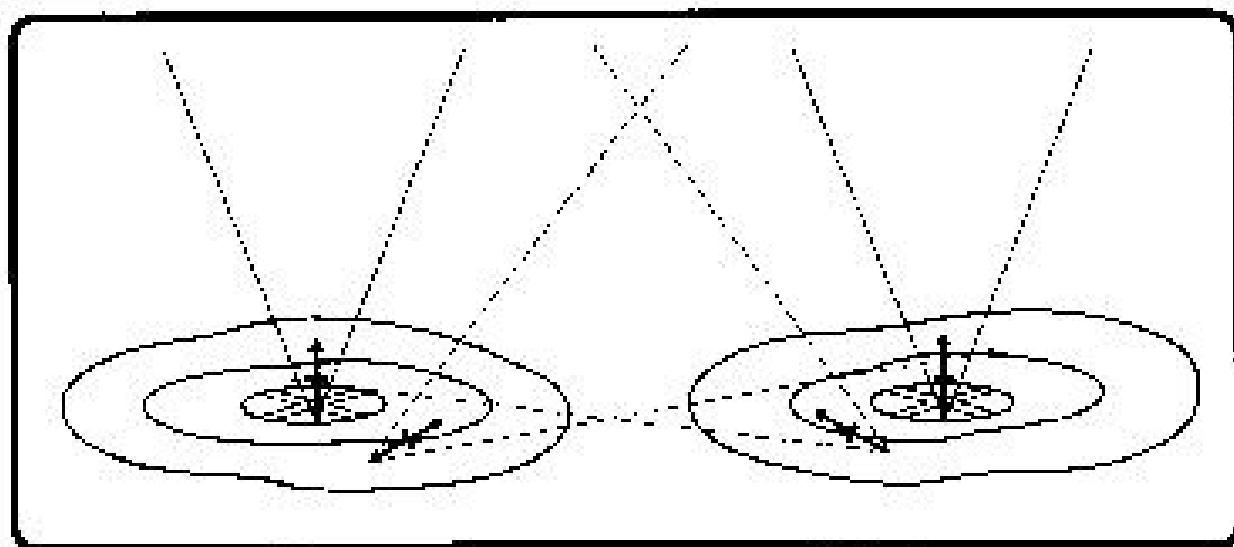

Рис. 2 — Схема сержанта Веста.

— Допустим, мы занимаем оборону по двум высотам, на каждой из них взвод. Обычно пулемёты ставят как можно выше, фронтально к противнику. Но пулемёт эффективен только когда закреплён на станке с его механизмами тонкой наводки по фронту и углу возвышения. Однако, на М2НВ шкала горизонтальной наводки даёт нам сектор обстрела чуть больший 800 тысячных из 6400³⁵ круга. Как видно на схеме, между взводами находится большой непростреливаемый сектор, который враг может использовать. Чем ближе он подошёл, тем сложнее его поразить. К тому же пулемёты на гребнях отличная мишень для танков и артиллерии.

— Теперь посмотрим на расстановку пулемётов иначе, — Вест зачеркнул старые значки и нарисовал новые. — Если поставить пулемёты на обратных скатах высот и назначить им сектор обстрела поперёк фронта обороны соседнего взвода, мы перекроем весь фронт обороны и защитим оба пулемёта от огня противника с фронта. Это классика: оба пулемёта скрытно стоят в укрытии и ведут фланговый огонь. Вряд ли у нас тут найдутся такие высоты, но кое-где эти принципы безусловно применимы.

— Я уже говорил о точности огня танков и артиллерии, не говоря о штурмовой авиации. СЕДЬМОЙ ПРИНЦИП — ЗАЩИТА И МАСКИРОВКА. Пулемёты должны быть хорошо окопаны и находиться на правильно оборудованных пулеметных площадках.

— Да, — перебил я. — С окопами я знаком. Давайте последний принцип.

— ЭКОНОМИЯ, — сказал он. — На Пулемётном курсе шутили, что раньше принципов было семь, а экономию добавили исключительно по требованию правительства. Однако, это не менее важно чем любой другой принцип. Экономия боеприпасов — главное, но нельзя забывать и про износ самих пулемётов, их ресурс вполне конечен. Техническая скорострельность М2НВ НМГ до пятисот выстрелов в минуту, С5 GPMG³⁶ — более шестисот. В особых случаях можно не обращать на это внимания, но стволы быстро перегреваются, масло выгорает, детали расширяются, и в самый нужный момент пулемёт может подвести. Нормальный темп длительного огня для крупнокалиберного пулемёта — сорок выстрелов в минуту, быстрый — около ста. Для пулемётов общего назначения оптимальны шестьдесят и девяносто. На курсе мы выяснили, что при очередях по четыре-шесть выстрелов и паузе на уточнение наводки в пять секунд получается нормальный темп огня, при паузе в три секунды — быстрый.

— Это интересно, — отметил я.

— Однако, расход боеприпасов, сам по себе не такая большая проблема, — продолжил сержант. — Я посмотрел в машинах, патронов у нас много, даже больше нормы. Но толку от них нет, если они складированы в тылу. При быстром темпе огня крупнокалиберный пулемёт тратит шестнадцать килограммов патронов в минуту, пулемёт общего назначения — около трёх. Это огромная

³⁵ Обязательно стоит помнить, что тысячные НАТО (mils) это mil = 6400/6283.2 x W/R

³⁶ В описываемый период Канадская Армия еще использовала переведенные в класс GPMG пулемёты Browning M1919A4, под патрон 7,62 НАТО. стоявшие на вооружении под индексом C5A1.

проблема боевого снабжения, с которой в бою никто не справиться. Единственное рабочее решение, это доставка максимума патронов на позицию и жёсткая огневая дисциплина. Не привлекать огня трёх пулемётов на одну цель, если хватит одного. Не тратить бронебойные патроны крупнокалиберных пулемётов на пехоту, если у вас есть пулемёты общего назначения. Особенно следует беречь недешевые и, следовательно, дефицитные С44 АР/Т³⁷.

— Вот и все принципы, — закончил Вест. — Идеально, если позиция каждого пулемёта соответствует всем восьми, но, если получится использовать хотя бы пять из них, это уже будет хорошо.

Пулеметчик «Канадских Горцев Сифорта» с своим C5A1 General Purpose Machine Gun. Американо-Канадские учения в Форте-Льюис, начало 1980-х.

³⁷ Наверное, тут стоит напомнить, что это аналоги патронов БС.

ПЛАНИРОВАНИЕ

Появился ротный сержант-майор и передал мне большой лист бумаги.

— Это схема, которую вы просили, сэр.

— Отлично, — ответил я. — Присаживайтесь, сержант-майор. Мне понадобится ваша помощь. Я хочу, так или иначе, но использовать все имеющиеся пулемёты в этом бою. У нас слишком много огневой мощи, чтобы ей пренебрегать. Сколько у нас всего пулемётов?

Ротный сержант задумался:

— На каждой машине установлено по крупнокалиберному пулемёту, всего 15, но у 2-го взвода один пулемёт неисправен, значит 14. Также у каждого взвода имеется по одному пулемёту общего назначения, и ещё один есть у меня для обороны командного пункта.

— Значит, всего 18, — подсчитал я. — Сейчас используется шесть, значит, нужно 12 новых расчётов, или 24 человека.

— Это немало, сэр, — сказал старшина. — Командиры взводов будут недовольны. Может, часть пулемётов оставить на бронетранспортёрах? Тогда нам нужен только один человек на каждый.

— В этом есть смысл. Как считаете, сержант Вест?

— Пулемёты на БТР мобильнее и гибче, лучше подходят для ПВО, — ответил он. — Но есть минусы: высокий силуэт, наводчик открыт, перезарядка только снаружи, всего 105 патронов готово к бою, потом надо уходить в укрытие. Нельзя пристрелять цели, точность ниже, эффективная дальность меньше, зона поражения ответным огнём противника больше. Предлагаю сначала расставить по позициям снятые с машин пулемёты, а если какие-то останутся незадействованными, то использовать их на БТР-ах в мобильном резерве.

— Никогда так не думал, — сказал сержант-майор. — Вы правы, снимаю предложение.

— Значит, с этим разобрались, — добавил я. — О личном составе подумаем позже, сейчас займёмся планированием. Обычно я бы сначала наметил позиции пулемётов и противотанковых средств, а потом стрелковых взводов, но сейчас, видимо, придётся делать наоборот. Мораль у бойцов хорошая, не хочу портить её перед боем заставляя окапываться на новых позициях. Нам всё равно придётся оборудовать несколько новых пулемётных площадок, но в пределах существующего периметра. Надеюсь, что это не проблема. Начнём с противодействия бронетехнике.

— Как я вижу, есть два подхода для техники: через минное поле и через дефиле. Думаю, они будут давить нас артиллерийским огнём, пока будут проделывать проходы, а потом атакуют по обоим направлениям.

— Значит, зоны поражения очевидны, — вставил сержант Вест. — Ближний край обеих зон в пределах досягаемости крупнокалиберных пулемётов наших передовых взводов.

— Верно, — ответил я. — Назовём их А и В. Перекроем двумя пулемётами каждую. Передний край опорных пунктов первого и второго взвода тоже обозначим как зоны поражения — С и D, тоже по два пулемёта.

— Это восемь пулемётов, — сказал сержант-майор. — Остаётся шесть.

— Можно сэкономить, — предложил сержант Вест. Он достал из кармана самодельный шаблон и наложил его на схему: — Две линии на шаблоне это 800 мил, сектор обстрела тяжелого пулемёта. Смотрите, пулемёты первого взвода могут перекрывать зоны А и С, а второго — В и D. Предлагаю выделить по три пулемёта на взвод: один — ведёт огонь, ещё два находятся в резерве и вступают в дело по необходимости.

— Отлично, — согласился я. — Сержант-майор?

— Хорошо, а что с GPMG?

— Основная роль среднекалиберных пулемётов³⁸, а наши GPMG это именно они, это ведение плотного кинжального огня в назначенных им секторах обстрела, — продолжил сержант Вест. — Им, лучше всего держать под огнём людей, покидающих подбитую бронетехнику. У нас четыре пулемёта общего назначения, как раз получается одной штуке на каждую зону огневого поражения.

— В этом случае придётся перекинуть пулемёт третьего взвода и с командного пункта вперёд, а мне это не нравится, — ответил я. — Хочу минимизировать перестановку огневых средств и вмешательство в целостность подразделений. У взводов на передовой по одному тяжёлому пулемету в резерве. Может быть, для борьбы с пехотой используем лучше их?

— В этом есть смысл, — ответил сержант. — Борьба с живой силой противника это одна из второстепенных задач крупнокалиберных пулемётов. Просто будем заряжать их обычными патронами и использовать для огня на дальние дистанции. Но расход боеприпасов будет огромный, надо это учесть.

— Не забудьте, что у второго взвода не хватает одного пулемёта, — напомнил сержант-майор.

— Верно, — сказал я. — Дайте им крупнокалиберный пулемёт с моего КНП. Там он принесёт больше пользы. Однако, также надо подумать и о нашей защите. Думаю, фронт мы перекрыли достаточно хорошо, большее число пулемётов будет избыточно. Но надо признать, что в бою оборона одного или даже обоих взводов первой линии может быть прорвана. Есть вероятность что некоторые БМП могут обойти их с фланга и выйти на нас. Давайте создадим ещё две зоны поражения: у фермы — Е, и за первым взводом — F. Их можно перекрыть огнём с позиций третьего взвода, по два пулемёта на каждую. Что у нас осталось, сержант-майор?

— Получается четырнадцать, остаётся два тяжелых пулемёта и два GPMG в резерве. — Если вы спрашиваете, что я об этом думаю, то будет хорошей идеей оставить их там.

³⁸ Medium Machine Gun (MMG).

— Согласен, — кивнул я. — Сформируем для них расчёты, но пока не будем ставить эти машинки на позиции. После финальной отработки плана огневой системы, возможно, мы найдём в ней дыры.

Я посмотрел на часы, было уже хорошо за девять часов.

— Время поджигает, — заметил я. — Не хочу снова откладывать совещание, так что лучше поторопиться. Сержант Вест, вы теперь проходите службу в управлении роты. Позже перенесёте сюда вещи. Ваша первая задача — найти огневые позиции для всех пулемётов. Сержант-майор, пусть связист обзвонит взвода и предупредит, что появится Вест. Распорядитесь от моего лица, чтобы ему помогли, я всё объясню позже. Исполняйте немедленно, когда вернётесь, обсудим выделяемый в расчёты личный состав.

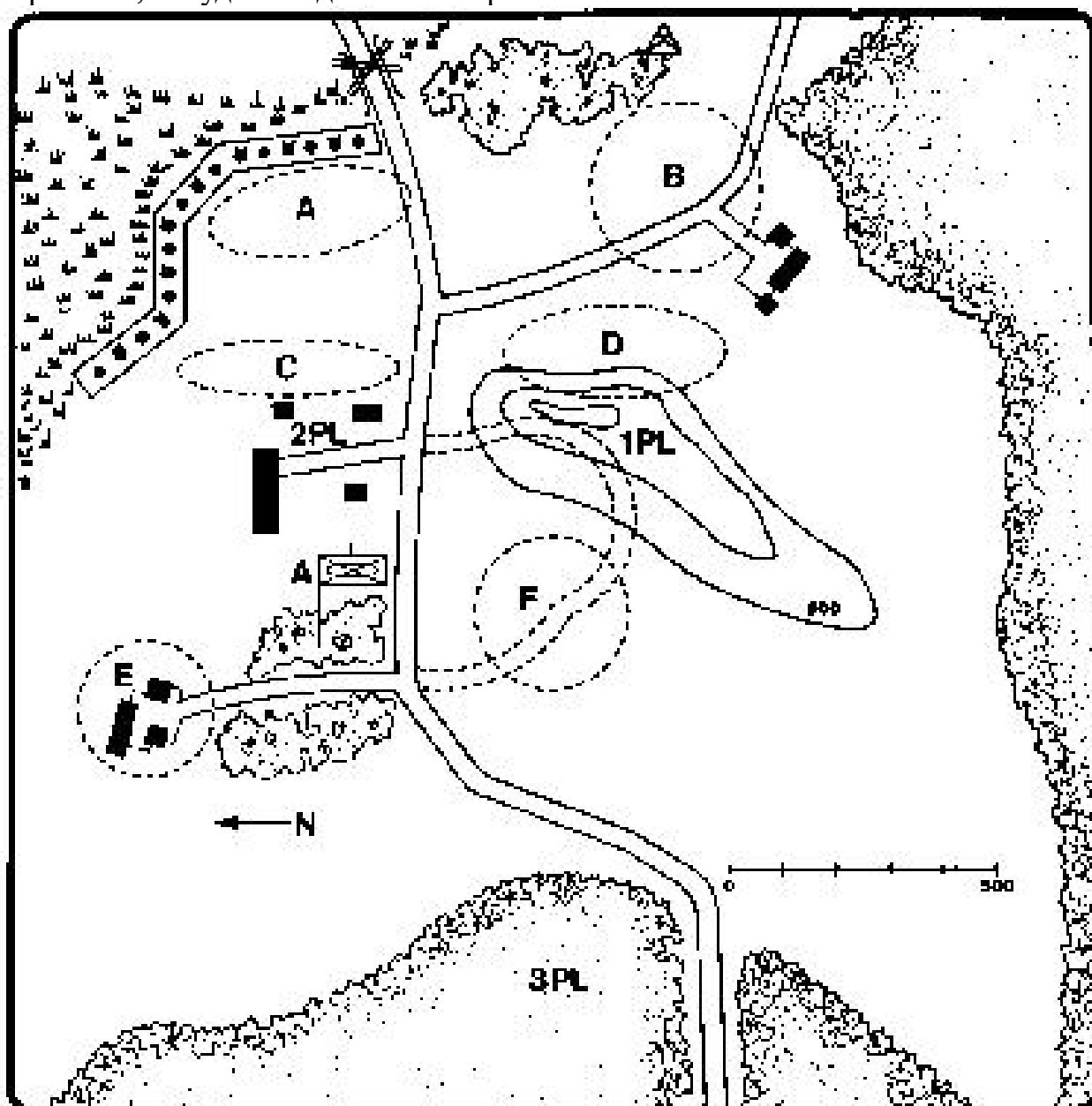

Рис. 3— Зоны поражения пулемётов.

Я повернулся к сержанту:

—Когда наметите позиции для всех пулемётов доложите мне. Копать на них начнём только после моего одобрения. Пока люди будут окапываться, обсудим взаимодействие подробнее. Вопросы?

— Нет, всё ясно. Думаю, за два-три часа управлюсь, к полудню вернусь.

— Хорошо, действуйте.

Ротный сержант-майор вернулся и сел со мной рядом:

— Сообщение передано, сэр.

— Сержант Вест толковый парень, — заметил я.

— В пулемётах он разбирается, — ответил сержант-майор. — В остальном посмотрим. Вы хотели поговорить о личном составе?

— Я проинструктирую командиров взводов, а кого ставить в расчёты — решать им. Думаю, они захотят провести дополнительное обучение, но это их дело. Сегодня будем пристреливать цели, важно сделать это правильно. Думаю, большинство наших бойцов не понимают, как пользоваться механизмами наводки станков и никогда не заполняли пулемётную огневую карточку. Придётся заняться этим на уровне роты. Организуете?

— Сделаю, сэр. В ящике с ротной документацией есть все инструкции, попрошу сержанта снабжения и одного из взводных сержантов помочь. Если хотите, проведем инструктаж и по пулемётным окопам.

— Отличная мысль. Я и забыл об этом. Проверьте запасы боеприпасов и необходимого нам инженерного имущества. Если чего-то недостаёт, срочно отправляйте заявку. Но сначала разберёмся, кто будет обслуживать выделенные из взводов пулемёты.

— После пулемёта вашего бронетранспортёра, который уходит во второй взвод, остаются пулемёты с БТР-а с тралом и машины заместителя командира роты, а также мой пулемёт общего назначения.

— Значит, у нас есть три пулемёта плюс 7,62 мм пулемёт третьего взвода, который я ещё не распределил. Соберите один расчёт из управления роты, а каждый взвод пусть подготовит один резервный. Когда я решу, что с этими пулемётами делать, в каждой позиции будут готовые их использовать люди. Думаю, я дал вам работы на весь день, так что приступайте.

Ротный сержант замялся.

— Ещё что-то?

— Я согласен со всем, что вы делаете, сэр, но не слишком ли вы спешите? Если только вы не знаете чего-то, чего не знаете мы, у нас, скорее всего, есть ещё несколько дней до возобновления войны, так что спешить не стоит. Нужно время на организацию взаимодействия, подтянуть пулемёты и патроны из бронегруппы и оборудовать позиции. Почти уверен, что нам понадобятся колья и мешки с песком, а раньше вечера их не привезут. Вы хотите пристрелять цели уже сегодня. Может, лучше сегодня заняться обучением и размещением, дать бойцам отдохнуть, а ночью подтащить пулемёты и выкопать позиции, а пристрелку провести завтра утром, сразу же как рассветёт?

Я подумал и согласился:

— Пожалуй, я действительно увлёкся. Для нас главное это сделать всё правильно, а времени у нас достаточно. Действуем по вашему плану. Оставьте меня на пару минут, мне нужно сделать ряд записей, увидимся на совещании.

На совещании я ознакомил всех с последними данными от разведки и подробно изложил, как собираюсь вести бой. От необходимости снимать пулемёты с бронетехники и менять позиции командиры взводов были не в восторге, однако я был достаточно убедителен, и никто не возражал.

План действий был мной расписан на сутки, внесение финальных корректив было назначено на 10:00 следующего дня.

После совещания я провёл долгую беседу с двумя командирами секций TOW. Одна секция находилась в лесу с 3-м взводом, прикрывала минное поле, другая — на опушке юго-западнее 1-го взвода, перекрывая дефиле. Я назначил им встречу на позициях передовых взводов в 14:00, чтобы согласовать действия противотанкистов с гранатометчиками стрелковых взводов и расчётами назначенных для поражения легкобронированной техники крупнокалиберных пулемётов. Уже уходя, вспомнил об обещанном мне вечером прибытии передового авиационного наводчика. Обсудили борьбу с танками с воздуха и решили, что оба командира противотанковых секций должны на встрече с ним присутствовать.

Я уже думал о ланче, когда вернулся сержант Вест:

— Нашёл отличные позиции для всех пулемётов, сэр. Всё получилось почти как мы наметили на схеме. Если вы свободны, можем посмотреть их прямо сейчас. Тогда взвода начнут копать, и мы сможем пристрелять пулемёты.

Я рассказал ему о новом расписании плана действий, и мы договорились сначала пообедать, а потом обойти позиции. Он пошёл в 3-й взвод за своими вещами, а я стал рыться в коробке с ИРП.

Когда я доедал банку персиков, появился сержант-майор:

— Вы что-нибудь знаете о минном заградителе, который должен был к нам прийти, сэр? К нам прибыл сержант-инженер, говорит, что вы его ждёте.

— Ох, совсем забыл! Пусть зайдёт.

Сержант сообщил, что он только на рекогносцировке, а его отделение сможет приступить к работе только завтра утром. Ему выделили всего лишь 300 противотанковых мин, но я могу разместить их где угодно. Я подумал и решил поставить мины западнее 1-го взвода, перед линией леса. Минное поле перекроет врагу путь на юг и при этом будет прикрито ручными противотанковыми гранатометами 3-го взвода.

Сапёр наскоро провёл предварительные расчёты:

— Могу сделать полосу длиной пятьсот метров, пять рядов мин. Это даст шестьдесят процентов вероятности подрыва БТР и почти восемьдесят процентов для танков. На это нам нужно четыре часа, не считая выставления ограждения из противопехотных мин. Понадобится ваша помощь.

Мы обсуждали детали минут десять, потом подошёл сержант Вест.

— У меня есть работа для ещё пары пулемётов. Где схема? Сержант достал схему.

— Сапёры поставят нам ещё одно минное поле — вот здесь. Есть пулемёты, которые могут его прикрыть?

Вест достал свой шаблон и его на схему:

— Здесь два крупнокалиберных пулемёта прикрывают зону F, могут накрыть всё, что попытается обойти поле с севера, но только 100 метров самого поля. Можно развернуть один пулемёт чуть южнее, но тогда он не накроет FOXTROT. Предлагаю поставить один крупнокалиберный пулемёт из резерва вот тут, у развилки южнее штаба. В рамках своего сектора, он сможет простреливать всё поле. Дальность большая, но угол встречи с бронёй будет близок к 90 градусам, так что нам может повезти.

— Отлично, — ответил я. — А что с зачисткой от пехоты противника?

— Помните, сэр, мы ещё не задействовали GPMG третьего взвода. Предлагаю поставить его вот здесь, — Вест снова показал место на схеме. — Если поставить его в глубине леса, он перекроет и зону F, и минное поле. Возможно, придётся срубить пару деревьев, но я уверен, что найду хорошее место. Кроме того, надо сразу определить границы минного поля и обозначить их, чтобы пристрелять пулемёты до того, как мины будут установлены. Потом стрелять по минному полю будет опасно. Мины будут взрываться.

Втроем мы вышли к будущему минному полю и отметили два ближних угла кольями. Потом сержант-сапёр ушёл, а мы с сержантом Вестом выдвинулись к 1-му взводу.

Там он разметил пулемётные позиции просто отлично: они были расположены несколько близко друг к другу, но прекрасно скрывались за гребнем холма, так что я согласился с замыслом. Сержант проинструктировал меня и командира взвода по намеченным целям, после чего мы выдвинулись ко 2-му взводу. Там тоже всё было хорошо, хотя работа была много сложнее чем на позиции 1-го взвода — не было высоты, на обратном скате которой можно было укрыть пулемёты. Для их сокрытия пришлось использовать здания, кучи навоза и все такое прочее.

— Понадобится немало мешков с песком, — резюмировал Вест, — но это лучшее, что я тут мог сделать.

Мы в очередной раз обсудили цели и пулемётные позиции, на этот раз с командиром второго взвода. Время летело незаметно, так что я решил остаться на передовых позициях роты дожидаясь прибытия командиров отделений ПТРК. Сержант Вест убыл размещать GPMG 3-го взвода, мы договорились встретиться с ним там позже.

Я нашёл его через два часа, он был увлечён разговором с командиром взвода.

— Мы нашли хорошее место для 7,62. Как я и предполагал, придётся срубить несколько деревьев, но в остальном позиция отличная. До дальнего края минного поля 1200 метров, а у пулемёта дальность 1550, так что по ней мы укладываемся. Но перед тем, как вы глянете позицию, сэр, послушайте лейтенанта. У него есть идея, которую вам стоит послушать.

Я посмотрел на командира взвода. Тот приступил к изложению своего замысла:

— У меня здесь, по сути, нет позиции как таковой. Пулемёты разбросаны, фронт обороны более километра. Если механизированные подразделения противника прорвут передовую линию, я мало что смогу сделать. Кроме огня пулемётов и охраны ротной техники, мы мало чем можем помочь. Сержант Вест сказал, что у вас ещё два тяжёлых пулемёта в резерве. Почему бы не поставить их на два из моих БТР и не создать нечто вроде группы немедленного реагирования³⁹? У меня хватает людей, можно посадить в машину по шесть-семь человек. Выгрузим всё личное, загрузим патроны и М72. Получится отличный ротный резерв для срочного подкрепления, подвоза боеприпасов и эвакуации раненых.

Я подумал минуту и решил, что эта идея разумна. Задачей 3-го взвода было обеспечение глубины ротного района обороны, но вовсе не обязательно было делать это статично.

— Где вы видите размещение этой группы?

— Можно оставить здесь, но, если она понадобится, очень важна скорость. Радиосвязь не гарантирована, так что чем ближе к вам, тем лучше. Предлагаю рощу около командного пункта роты.

— Хорошо, но не увлекайтесь. Оставьте достаточно людей для пулемётов, пусть взводный сержант и старший капрал⁴⁰ - оружейник всё проконтролируют. Помните, что ваши ручные противотанковые гранатомёты нам нужны для прикрытия минного поля. Уточните у сержант-майора — если я не ошибаюсь, у нас есть свободный Карл Густав в штабе роты, в этом случае отдадим его в ГНР. В целом, вы берёте на себя большую ответственность. К завтрашнему полудню вы, ваши сержанты и ваши водители должны знать каждый метр на позициях и на маршрутах к ним. Ещё идеи?

— Есть, сэр, — добавил сержант Вест. — Если позволит местность, можно разместить резервную группу так, чтобы пулемёты можно было использовать с БТР по воздушным целям. На наших М113 модифицированы турели для нужд ПВО. Этого мало, но больше ничего нам не сделать. Ещё у нас есть «Рысь» разведгруппы, машина стоит без дела, можно поставить и туда пулемёт.

— Отличная мысль. Плохо, что мы не подумали о машине разведчиков раньше. Давайте вы с лейтенантом проработаете детали, а я пока посмотрю ваши позиции.

Посмотрев всё вживую, я согласился с расстановкой и целями пулемётов 3-го взвода и вернулся на КНП роты. Время поджимало, мне нужно было заняться планом артиллерийского огня.

³⁹ Quick Reaction Force (QRF), буквально группа немедленного реагирования.

⁴⁰ Master Corporal. Старшее из капральских званий в ВС Канады и первое из линейки NCO.

ПРИСТРЕЛКА ЦЕЛЕЙ

Я только что закончил передавать изменения в план артиллерийского огня по защищённому каналу радиосвязи, когда пришли сержант Вест и командир 3-го взвода.

— Мы нашли отличное местечко для машины разведчиков, — сказал лейтенант, — но людей хватило только на один из наших M113.

— Это уже что-то, — ответил я. — По крайней мере, что-то. Продолжайте рекогносцировку, пока мы с сержантом Вестом поговорим. Пойдём, сядем в тени.

— Итак, где мы сейчас находимся? — начал я.

— Все пулемёты расставлены на позициях, — ответил он, — и подразделения уяснили, как правильно устанавливать станки. По пути сюда я заметил, что взводный сержант второго взвода проводит занятие по изучению подъёмно-поворотных механизмов для первых номеров пулемётов, а сержант снабжения инструктирует заместителей отделений по правильному устройству пулемётных окопов. Если сегодня ночью привезут дополнительное инженерное имущество, к утру всё будет готово. Если нет — это не сильно страшно. Если площадки под пулемёты будут готовы, сразу же можно начинать пристрелку.

— Как будет проходить пристрелка? — спросил я.

— Сначала я думал составить общий план и пристрелять пулемёты за один раз, — ответил он. — Но потом решил, что лучше придерживаться стандартной процедуры. Сейчас пулемёты сгруппированы по 2–3 штуки в пулемётные секции, поверх штатной структуры взвода. В каждой секции есть командир, который отвечает перед командиром взвода за управление огнём. Кто именно зависит от позиции взвода. Обычно это командир стрелкового отделения. В 3-м взводе особая ситуация из-за выделения резервной группы: два пулемёта слева подчиняются старшему капралу-оружейнику, теми, что справа — взводный сержант. GPMG расположен на отдельной позиции, но командир взвода ручается за капрала, который там командует. Теоретически, взводный сержант отвечает за всё, но из-за расстояния, думаю, стоит дать оружейнику радиостанцию и считать его секцию отдельным подразделением. Но я считаю, что это можно обсудить позже, сэр.

— Первую этап пристрелки контролируют командиры пулемётных секций. Каждый пулемёт даёт несколько очередей, чтобы «усадить» треногу, затем, начиная с пулеметов с основным сектором обстрела пристреливает каждую цель. Как только попадания сержантов начинают устраивать, данные установок по горизонтали и вертикали записываются в карточку огня. Командир секции даёт каждой цели временный номер, это завершает первый этап. Второй этап, командиры секций сверяют информацию под руководством командира взвода или взводного сержанта. Цели идентифицируются согласно единой взводной нумерации, и пулемёты пристреливаются по всем целям в пределах видимости и досягаемости, кроме своих исходных. Третий этап — я делаю то же самое на уровне роты. В итоге получается общий список целей роты. Для удобства управления огнём, я также присвою каждому пулемёту отдельный номер.

— Ого, ты строишь для меня монстра, которым придётся управлять в разгар боя — воскликнул я, — но мне это нравится.

— Ещё бы, — ответил он. — Есть способы упростить управление, но обсудим их позже. Сейчас мне нужно ваше решение по паре вопросов. Почти все наши пулемёты в какой-то момент боя ведут фланговый огонь. В тактической части наставления сказано, что насколько близко можно вести огонь к своим, зависит от решения командира. В технической части наставления сказано, что: «стволы не должны быть направлены и пули не должны падать в пределах угла безопасности двести шестьдесят семь тысячных от местонахождения своих подразделений». Честно говоря, считаю это излишним. Предлагаю пристреливать цели в пятидесяти тысячных от наших позиций, но оставить запас на шкале на станке, чтобы в экстренной ситуации можно было вести огонь по своим потерянным позициям. Можно вбить колышки-ограничители на пятидесяти тысячных, чтобы избежать случайностей, их будет легко убрать при необходимости. Пехотная школа тоже так считает. В отдел разработки уставных документов Главного штаба⁴¹ подана заявка на изменение этого правила на 50 тысячных.

— Как обычно, вы говорите дело, сержант, — ответил я. — Сделаем так.

— Хорошо сэр, я на это и надеялся. В зоне поражения F есть ориентиры, которые лежат на одной линии с позицией первого взвода. Если между ними и целью 450 метров — всё нормально. Но есть пара ориентиров ближе, там предлагаю ограничиться «сухой» пристрелкой.

— Согласен, — ответил я. — Всё равно стрелять по ним будем только если нам прорвут линию обороны.

— Вот и всё, — заключил он. — Я доведу о пристрелке разведчикам, чтобы они не подумали, что мы объявляем им войну, и, наверное, стоит предупредить штаб батальона. У меня есть мысли по управлению всеми этими пулемётами, но думаю, лучше перенести обсуждение этого на завтра, сэр.

— Пожалуй, спешить некуда, — ответил я. — Вы и так дали мне больше, чем мой мозг может переварить за раз. К тому же мне надо снова думать о противотанковой обороне — через час подъедет авиационный наводчик. Продолжайте в том же духе, увидимся поздним вечером.

⁴¹ В оригинале FMCHQ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ночью рота работала как бобры. Нам привезли запрошенное инженерное имущество и несколько катушек телефонного кабеля, заказанных сержантом Вестом. Тогда я ещё удивился, что он задумал. На рассвете большинство пулемётных расчётов заканчивали маскировку позиций. Ранним утром я произвёл быстрый обход опорных пунктов передовых взводов и был впечатлён увиденным. В конечном итоге решил остаться с 1-м взводом и посмотреть пристрелку.

«Старик бы мной гордился», — подумал я.

Пристрелка прошла гладко и заняла меньше времени, чем я ожидал. Большинство расчётов «всухую» пристреляли цели ещё рано утром, сразу же после подъема это здорово ускорило процесс. Всё было почти как на стрельбище: я наблюдал, как различные зоны поражения одна за другой формируются в установленных планом киллзонах. Периодически два пулемёта били по одной цели с разных направлений. Я был поражён разницей в зонах поражения: одни были длинные и узкие, другие — короткие и широкие, в зависимости от типа пулемёта, дальности и уклона местности. Я также заметил, как взводные сержанты переходят от пулемёта к пулемёту, разговаривают с командирами расчётов и делают пометки в блокнотах, они были очень вовлечены в процесс.

Я уже собирался вернуться в КП чтобы позавтракать, когда увидел, как сержант Вест появился на дороге с планшетом под мышкой. Я следил за ним в бинокль, пока он не скрылся за зданиями позиции 2-го взвода. Через минуту он появился снова, теперь с командиром взвода и его топом⁴². Они переходили от пулемёта к пулемёту, делали записи, периодически указывая на 1-й взвод. Каждый пулемёт обстрелял хотя бы одну цель под критическим взглядом сержанта Веста. Закончив обход, они втроем сели и долго обсуждали, снова много жестикулируя и кивая. Через пять минут взводный сержант ушёл к одному из пулемётов, а двое других направились ко мне.

— Всё идёт гладко, сэр, — поприветствовал меня сержант Вест. — Как только закончу здесь, смогу составить общий список целей. Потом обойду взвода в обратном порядке, передам данные по дополнительным целям и новые номера. Думаю, через полтора часа у меня будет пакет документов для вас. Тогда обсудим управление огнём.

— Отлично, — ответил я. — У меня есть вопросы, но они подождут.

К Весту подошёл командир 1-го взвода, и я издали слушал, как они обсуждают цели и способы управления. Оба лейтенанта не постеснялись согласиться с рядом предложений сержанта.

— Он их просто очаровал, — усмехнулся я про себя.

Троица подошла к правому тяжёлому пулемёту, и сержант начал опрос расчёта:

— Какая ваша основная цель?

⁴² Топ — в зависимости от контекста, взводный или ротный сержант.

— Цель номер 1, — ответил наводчик. — Это, у того здания в направлении 2-го взвода.

— Какую дальность внесли в карточку?

— Восемьсот метров, сержант.

Сержант осмотрел цель в бинокль, потом повернулся к командиру 2-го взвода:

— Все ваши люди в укрытиях, сэр. Можно дать очередь?

— Конечно, — ответил лейтенант. — Я тоже хочу, чтобы пристрелка была точной.

Сержант снова навёл бинокль на цель и скомандовал: — Огонь! Пулемётчик дал очередь в пять патронов, и я в бинокль увидел, как поднялась пыль.

— Прямо в цель, — пробормотал я.

Пулемётчик гордо посмотрел на сержанта.

— По кому вы там собираетесь стрелять? — спросил сержант.

— По БТР, сержант.

— А куда хотите попадать?

— В борт, сержант.

— Верно, — сказал Вест. — Но с такой пристрелкой вы попадёте в гусеницы и катки. Всегда учитывайте высоту цели при пристрелке.

— Никогда не думал об этом, — ответил солдат. — Значит, мне нужно, чтобы зона поражения формировалась в паре сотен метров за целью?

— Верно, но только если цель БТР. По пехоте надо «взрыхлять» землю, чтобы они не могли ползти под огнём. В этом случае важнее сноп траекторий, или если угодно конус огня, нежели зона поражения. Кроме небольшого мёртвого пространства перед вами, вы можете вести фланкирующий огонь по всему фронту 2-го взвода. Эта цель — просто точка прицеливания, а зона уничтожения начинается от обреза ствола и до 1000 метров. Советую добавить к высоте траектории пять метров и попробовать снова. Не забудьте изменить карточку огня. Не беспокойтесь об аккуратности — скоро придётся делать новую, когда я увяжу номера целей во всей роте. Вы будете пулемёт номер 10, обязательно отметьте это на карточке. Какие ещё цели у вас есть?

В этот момент я почувствовал, что мне срочно нужен кофе. К тому же сержант Вест справлялся лучше меня, так что я решил ему не мешать.

Через два часа сержант Вест присоединился ко мне под любимым деревом.

— Извините, что заставил ждать, сэр, — начал он. — Ушло чуть больше времени, чем я думал.

— Ничего, — ответил я. — До совещания ещё больше часа. Что у вас?

— Вот схема с расположением пулемётов и целей, — сказал он, передавая мне большой лист, — а вот список целей. Обратите внимание, всего у нас 20 целей.

— Те цели что расположены близко к минному полю мы практически не пристреливали, — продолжил Вест. — Не хотели подорвать мины, но данные по ним тоже внесены в карточки. Рассчитали прицеливанием. Также показано, какие

GPMG и HMG могут работать по какой цели, с учетом назначения пулемётов для огня по пехоте и БТР соответственно. Все крупнокалиберные пулемёты могут выполнять обе эти задачи в любой экстренной ситуации, всех пулемёты обеспечены обоими типами боеприпасов. Если успею, то я сделаю нужное число копий данной схемы для всех к началу совещания.

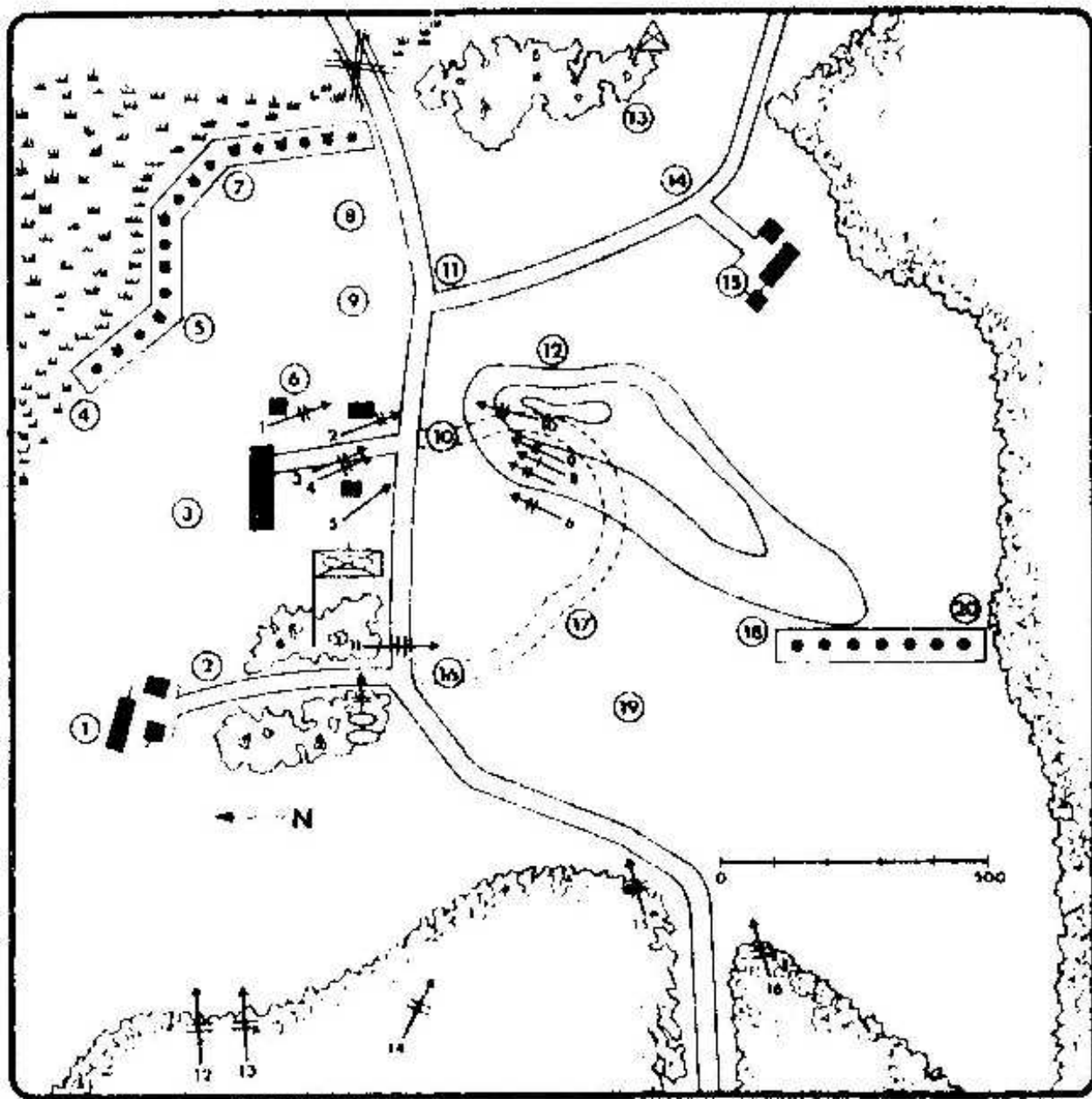

Рисунок 4 — Расположение пулеметов и целей

MACHINE GUN TARGET LIST						
TGT NO	LOCATION	GPMG (GUN #)	GUNS HMG AP (GUN #)	HMG BALL (GUN #)	FPF (GUN #)	REMARKS
1	23051488		12	13	13	
2	23151455		12	13	12	
3	23461462		12	13	NIL	
4	23761470		10, 12	13	NIL	GUNS 12 & 13 NOT LIVE REGISTERED.
5	23901460	8	6, 9, 10, 12	7, 13	6	NO LIVE REGISTRATION.
6	23701445	8	9, 10		8, 10	GRAZING FIRE FROM #8.
7	24121448	8	6, 9, 10	7	7	8 & 9 WORK TOGETHER ON KZ A.
8	24041435	8	6, 9, 10	7	9	6 & 7 WORK TOGETHER ON KZ A. NO LIVE REGISTRATION.
9	23861434	8	6, 9, 10, 16	7	NIL	
10	23651418		3, 4, 6, 16	5, 7, 15	15	ONLY GUN #15 LIVE REGISTERED.
11	23901417	2, 8	1, 3, 4, 9, 16	5, 7, 15	5	1 & 2 WORK TOGETHER. GUN #15 NOT LIVE REGISTERED.
12	23781390	2	1, 3		1, 2	FRONT OF 1 PL'S POSN GRAZING FIRE FROM 1 & 2.
13	24201380	2	1, 3, 4	5	4	1 & 2 WORK TOGETHER. 5 SPS 3 & 4.
14	24081370	2	1, 3, 4	5	3	1 & 2 WORK TOGETHER. 5 SPS 3 & 4.
15	23951360	2	1, 3		NIL	
16	23221410	14	11, 16	15	NIL	ONLY GUN #11 IS LIVE REGISTERED.
17	23401390	14	11, 16	15	16	NO LIVE REGISTRATION.
18	23281363	14	11, 16		11, 14	11 & 14 WORK TOGETHER.
19	23221385	14	11, 16	15	NIL	15 & 16 WORK TOGETHER.
20	23281310	14	11		NIL	

Рисунок 5 — Таблица целей для пулеметов.

Расчет пулемёта М2НВ 4-й механизированной бригадной группы Канады. На заднем плане РПГ «Карл Густав» и бронетранспортер М113А2 TOW Under Armour. ФРГ, 1980-е.

УПРАВЛЕНИЕ ОГНЁМ

— Было бы здорово, если бы я мог взять эти два листка бумаги, откинуться в кресле и просто нажимать на кнопки, открывая огонь по мере поступления докладов о контакте, — пошутил я.

— Ещё бы, — рассмеялся Вест. — К сожалению, всё немного сложнее. Наверное, проще всего подойти к этому так: представить все возможные ситуации и заранее решить, как мы будем действовать в каждой из них.

— Ладно, — ответил я, — но, если мы собираемся устроить мозговой штурм, тогда давай подключим сержант-майора. Я видел, как он брился рядом со своим укрытием пару минут назад. Почему бы тебе не сходить за ним, пока я гляну на твою схему?

Через пять минут оба сержанта присоединились ко мне.

— Полагаю, сержант Вест уже ввёл вас в курс дела? — спросил я, и сержант-майор кивнул, садясь рядом. — Думаю, для начала стоит рассмотреть лобовую атаку, без каких-либо осложнений. Если А-10 и TOW-Кобры успеют вовремя, они ещё и первыми откроют огонь. Они точно знают, где мы, и не будут стрелять по нам или мешать нашему огню. Они будут работать на дальних дистанциях и сосредоточатся на танках, а не на бронетранспортёрах. По ходу боя, возможно, нам достанутся БТР или БМП сумевшие подойти ближе, но мы будем рассматривать их как цели, глядя на обстановку. Вторыми вступят в бой уже наши секции ПТРК. Они будут вести огонь по зонам поражения АЛЬФА и БРАВО, тоже по танкам. Экипажи подбитых танков на таком расстоянии угрозы для нас не представляют, так что на танкистов патроны тратить не будем. Затем в дело вступят крупнокалиберные пулеметы, назначенные для поражения легкобронированной техники. Мы всё ещё будем под плотным артиллерийским огнём, так что я не представляю, каким образом смогу отдавать конкретные приказы, где и когда открывать огонь. Думаю, после того как противник подойдёт к зонам поражения, я передам право решения по открытию огня командирам взводов. Наш план — ждать, пока головные машины не достигнут ближнего края зон поражения. Ожидаю, что идущие в голове танки будут с минными тралами, которыми они нейтрализуют наш минный рубеж. Эти боевые машины, конечно, приоритетные цели для TOW, но надо исходить из того, что противник преодолеет минное поле несмотря на потери. При этом боевая техника будет идти по узким коридорам протреленных проходов и это сыграет нам на руку. Как нам использовать пристрелку в этой фазе боя, сержант?

— На самом деле, никак, сэр, — ответил он. — В данном случае наводчики, скорее всего, будут видеть цели и вести огонь прямой наводкой. Если БТР идёт к одной из целей, наводчик сможет навестись и подождать момента дать очередь. В большинстве случаев они будут использовать карточки огня чтобы тупо вовремя устанавливать нужный прицел. Я бы оставил это на усмотрение наводчиков. Обратите внимание, что я закрепил разные сектора огня за каждым назначенным для поражения бронетехники крупнокалиберным пулемётом. Это и будут их основные зоны работы.

— Отлично, — вмешался сержант-майор, — но мы наверняка потеряем пару пулемётов во время обстрела, и никто не знает, какие именно.

— В таком случае, — вставил я, — придётся полагаться на инициативу командиров взводов и отделений. Нет ни одной цели, по которой не могли бы работать хотя бы два пулемёта. Некоторые могут накрыть до десятка.

Мы с сержантом Вестом обменялись понимающими взглядами.

— Размещение вооружения парами этого один из главных принципов построения огневых позиций, знаете ли, — поддразнил я. — Надо не забыть напомнить это всем по радиосети, когда какое-то огневое средство выйдет из строя.

— Пулеметы имеющие противопехотные задачи взаимодействуют с пулемётами-бронбойщиками, которые они поддерживают, — продолжил сержант Уэст, — так что зачистка покинувших подбитую и не подбитую технику десантных групп должна идти автоматически. А что у нас с артиллерией?

— Если орудия успеют занять новые огневые позиции, и офицер арткорректировщик доберётся сюда, я собираюсь держать его при себе, — сказал я. — Планирую использовать артиллерию на максимальной дальности, чтобы попытаться расстроить боевые порядки фантазийцев. Надеюсь, получить помощь по целеуказанию мест сосредоточения от разведгруппы, и, возможно, появится воздушный разведчик-корректировщик. Артиллерия эффективнее против пехоты, чем наши пулемёты, так что введём правило: как только по цели начинает бить артиллерия, противопехотное вооружение прекращает огонь. Расчёты пулемётов с задачами поражения бронетехники должны продолжать вести огонь в любом случае.

— Чем ближе враг, тем больше будет путаницы, и тем больше придётся полагаться на инициативу младших командиров, — продолжил я. — Думаю, дам полную свободу командирам отделений на дистанции 400 метров и расчётам пулемётов с 200 метров.

— На этом этапе иначе и не получится, сэр, — сказал сержант-майор. — Я поговорю со взводными сержантами о важности соблюдения установленных режимов ведения огня. А если враг атакует нас ночью?

— Это вполне возможно, — сказал я. — Ваши мысли, сержант Вест?

— У некоторых пулемётов есть ночные прицелы⁴³, — ответил он. — Думаю, их надо ввести в план наблюдения.

«Это ещё одна вещь, которую мне нужно проработать», — подумал я.

— Крупнокалиберные пулеметы имеют их все до единого, так что, если использовать ленты с бронебойно-трассирующими, это будет хорошим ориентиром для огневого поражения секторов. Но, по-моему, куда большая угроза — это дым, сэр.

— Согласен, — ответил я. — Фантазийцы известны тем, что используют задымление много и часто. Они могут поставить дымовую завесу перед нами и атаковать сквозь неё, могут накрыть нас дымовыми снарядами, или, например,

⁴³ Crew Served Weapon Sights – ночной пулемётный прицел.

головные танки могут использовать дымовые гранаты, чтобы прикрыть БМП. Надеюсь, тут ваши усилия пригодятся, сержант Вест.

— В этом и смысл пристрелки и записи данных по целям, сэр, — ответил сержант. — Но при стрельбе через дым вероятность попадания падает, а расход боеприпасов растёт. Главное — это знать, когда начать и когда прекратить огонь. Если повезёт и будет сильный ветер, то дым будет быстро рассеиваться, в нём будут появляться просветы. Любой, кто что-то увидит, должен немедленно докладывать о контакте, используя номера целей как ориентиры. Дальше — дело командиров взводов. Если мы не наблюдаем цель постоянно и не уверены в эффективности огня, обстрелы стоит ограничить минутой скоростной стрельбы.

— Согласен, — сказал я, делая пометку в блокноте. — Нам бы пару наблюдательных пунктов на фланге или, лучше, в вертолёте. Разведка хороша для раннего предупреждения, в бою она нам мало поможет.

— Подождите минуту! — сказал сержант-майор. — А как насчёт TOW-секции на правом фланге? Накрывший нас дым их не затронет, а обзор на зону BRAVO и восточнее нового минного поля у них отличный.

— Отличная мысль, — ответил я. — Они смогут докладывать обстановку и подсказывать, эффективен ли наш огонь. Жаль, что секция слева не может сделать то же самое с зоной ALPHA.

— У меня есть идея, — с энтузиазмом перебил сержант Вест. — Я давно хотел предложить это. Вчера вечером я поговорил с старшим капралом, который работает на станции ближней разведки⁴⁴. Сейчас PPS направлена на дефиле, она, по сути, подстраховывает разведчиков. Предлагаю переместить радиолокационную станцию на позицию между пулемётами номер восемь и девять и контролировать цель номер восемь. Она там будет видеть сквозь дым и различать танки и БТРы. Он сможет сразу сообщить пулемётчикам, когда БМП появятся в этом районе. Думаю, у двух крупнокалиберных пулемётов будет время устроить засаду на цели номер пять. Цель пять — просто ориентир. Там ровная как стол площадка, и огонь из пятидесятого калибра пройдёт до минного поля, не поднимаясь выше крыши бронетранспортёра. Мы создадим для них стену смерти. Ну а пулемёт общего назначения потом прочешет всю эту зону методическим огнём с рассеиванием в глубину⁴⁵.

— Отличная идея, если, конечно, это сработает, — ответил я. — А вы что думаете, сержант-майор?

— Почему бы и нет, — ответил ротный сержант. — В конце концов, мы будем сражаться тут за свои жизни. Такие хитрости могут их нам спасти. Закопать эту РЛС так, чтобы артиллерия её не уничтожила до того, как мы ей воспользуемся, будет настоящим испытанием для нашей изобретательности, но уверен, мы что-нибудь придумаем.

Я взглянул на схему и список целей:

⁴⁴ AN/PPS-15A(V)1

⁴⁵ Автором использован термин *searching fire* — а именно техника пулемётной стрельбы, когда меняется угол возвышения и зона поражения перемещается вперёд-назад, а не в стороны. Во втором случае это *traversing fire*.

— Привыкаю, всё удобнее и удобнее становится ими пользоваться, сержант. Вижу, что все пулемёты первого взвода могут работать по цели номер пять. Если первый и девятый выбьют, у нас есть ещё три ствола на подхвате.

— Не совсем, сэр, — ответил Вест. — На этом этапе нам нужно оставить пулемёт номер десять для немедленного реагирования по цели номер шесть. Это последний шанс второго взвода. Я долго обсуждал это с командирами взводов, и они согласились, если вы не возражаете, дать целям шесть, десять и двенадцать приоритет. Каждый вызов огня по одной из них — три минуты стрельбы с максимальным разрешенным темпом.

— Согласен, — ответил я. — Более того, если оборона этих взводов будет прорвана, судьба этой роты может решиться за время, необходимое для передачи радиосообщения. Предлагаю: красная ракета, пущенная мной или командиром взвода, означает, что все незадействованные пулеметы три минуты ведут скоростной огонь по шестой, десятой или двенадцатой целям. Каждая следующая красная ракета — ещё три минуты.

— Поддерживаю, — сказал сержант-майор. — Но коли упомянули ракеты, возникает вопрос связи. Я помню, какие у нас были радиостанции в начале войны, и, если Иван решит применить РЭБ, о радиопереговорах можно будет забыть.

— Знаю, — ответил я. — Это меня тоже беспокоит. Поэтому я решил децентрализовать управление до самого низкого уровня. Все должны знать общий план и действовать в рамках стоящих перед ротой задач, даже если не будет приказов. Ракеты будем использовать только в самом крайнем случае, иначе будет путаница. Вся наша надежда только на проводную связь.

— Согласен, — сказал сержант-майор. — Сейчас у нас проложены телефонные линии до каждого командного пункта взвода, и, кажется, осталось ещё три телефона. У каждого взвода есть ещё по два-три телефона для внутренней связи. Я поймаю сержанта-связиста сразу после совещания. Придумаем, как соединить кабельными линиями все ключевые точки в нашем районе обороны. Единственная просматриваемая в данном плане проблема — это связь с противотанковыми отделениями, но, думаю и тут справимся. Вчера мы получили ещё десять миль кабеля, так что, возможно, хватит и на двойные линии по критическим направлениям.

— Да, займитесь этим, — сказал я, — и обязательно как следует заройте кабеля. Ожидаю, что здесь всё будет изрыто как под Пашендейлом задолго до того, как мы успеем дать первый выстрел. Когда начнётся бой, не хотелось бы возиться с коммутаторами или считать звонки. Переходим на прямую связь: каждый телефон снят с рычага и находится в чьей-то руке. Так все всё слышат. Только не забудьте дать телефон и пулемёту номер одиннадцать у дороги. Они так близко, что о них можно забыть.

— Принято, — ответил он. — Протяну пару линий и к третьему взводу. Кстати, большинство решений, о которых мы тут говорили, к ним не относятся. Как вы их будете контролировать?

— Очень свободно, — сказал я. — Я буду держать мобильный резерв при себе и использовать его по ситуации. После выхода на задачу они будут включаться в радиосеть под позывными «Четырнадцатый» и «Четырнадцатый-А». При этих пулемётах офицера не будет, так что право решения по открытию огня передам командующему там командиру отделения. Если враг выйдет в тыл роты, ситуация будет отчаянной, так что их пулемёты могут спасти положение. Надеюсь, что они не увязнут, рассчитываю использовать эти машины как арьергард при отходе.

Мы молча смотрели друг на друга секунд тридцать.

Я нарушил молчание:

— Ну, больше ничего не приходит в голову. Если вы оставите меня на полчаса, я приведу в порядок свои записи. Сержант-майор, займитесь телефонной связью. А вы, сержант Вест, выглядите так, будто вам не помешали бы бритьё и завтрак. Увидимся на совещании.

*Командир стрелкового отделения (секции) «Канадских Горцев Сифорта».
Американо-Канадские учения в Форте-Льюис, начало 1980-х.*

КАРТОЧКИ ОГНЯ

Совещание по вопросам взаимодействия прошло успешно, и у меня появилось чувство уверенности, что мы готовы ко всему. Я приказал дать максимально хорошо отдохнуть, а сам, следуя собственным указаниям, поспал около четырёх часов. Проснулся чуть позже четырёх, выпил кофе и решил пройтись по передовым взводам, чтобы узнать, дошли ли мои указания до солдат. Проходя мимо командного пункта, я чуть не споткнулся о GPMG управления роты, стоящий на треноге без дела.

«Так и не пристроили тебя, да?» — подумал я. — «Интересно, что ещё я забыл сделать. Ну, у меня 19 пулемётов, так что можем позволить себе оставить один здесь как талисман.»

Я прошёл по дороге ко 2-му взводу и остановился у первого пулемёта. Это был пятидесятый калибр, заряженный обычными патронами. Один из расчёта спал под навесом на дне окопа, второй бодрствовал стоя за пулемётом.

— Война уже началась, сэр? — спросил он.

Я заверил, что нет, и спросил, какова его задача.

— Мы — огневая зачистка пехоты противника, сэр, — ответил он. — Работаем вместе с пулемётами три и четыре. Они выбивают БТР-ы, мы добиваем экипажи. Основная зона — BRAVO. GPMG займётся там ближними целями.

— А если вы цели не наблюдаете? — спросил я.

— Тогда используем данные с карточки огня, сэр. Старший капрал Смит, наш командир отделения, находится вон в том окопе. У него телефон, по нему он получает команды. Он выкрикивает номер цели и командует «прицеливание» или «огонь». Если команда «прицеливание» — докладываем, когда готовы, и ждём приказа. Если «огонь» — открываем огонь сразу и стреляем минуту с обычным темпом.

— Вижу, вы тут всё держите под контролем, — сказал я. — Можно взглянуть на вашу карточку огня?

— Схему делал командир отделения, — сказал он, протягивая картонку. — Остальное мы с напарником вносили сами.

Я внимательно изучил её, вдруг осознав, что впервые в жизни вижу правильно оформленную карточку огня пулемёта.

— А что за тёмная линия по центру? — спросил я.

— Это наша осевая линия, — ответил он. — Она совпадает с краем леса в зоне поражения и помогает быстро сориентировать карточку.

— У вас много деталей на схеме, — заметил я. — Всё это действительно нужно? Например, зачем отмечать цели вне вашего сектора?

— Это просто ориентиры, сэр, — ответил он. — Кто знает, вдруг мы окажемся единственными, кто видит сквозь дым. Лейтенант велел нанести все видимые цели. Цели за первым взводом мы не отмечали — их не видно из-за холма. Немного схитрили с левыми — сейчас их закрывает сарай, но думаем, как только начнётся артиллерийский обстрел, сарая не станет.

Это солдат, который действительно думает, решил я. Хотя бы у меня было ещё сотня таких. В этот момент первый разведывательный самолёт фантазийцев низко пролетел над позицией. Я решил, что настала пора серьёзно задуматься об отходе и быстро вернулся на командный пункт роты.

Рисунок 6 — Стрелковая карточка пулемёта №5

ПРОВЕРКА НА ПРАКТИКЕ

Остальное — уже история. Ночью разведка доложила о движении перед нами, и на рассвете они атаковали. По какой-то причине фантазийцы не использовали дым для прикрытия первой атаки, и это стало их большой ошибкой. Артиллерийская подготовка была разрушительна — мы сразу же потеряли два пулемёта. TOW уничтожили танки первой волны. Три танка из второй волны прорвались к позициям 2-го взвода, но были уничтожены из M72.

Вторая атака началась около 14:00. К этому времени наша артиллерия уже сменила позиции, и небо было полно самолётов — и наших, и их. Эта атака была настоящим испытанием. Нас полностью закрыло дымом, а радиосвязь была бесполезна. В итоге я выпустил пять красных ракет, и 3-й взвод уничтожил три БМП в зоне поражения FOXTROT. Как нам удалось удержать этот участок, я не понимаю до сих пор. К этому времени наши потери превысили 50%, включая обоих командиров передовых взводов, а у их подразделений осталось всего четыре пулемёта на двоих. Думаю, ещё одну атаку мы бы не выдержали.

Я никогда не забуду приказ на отход. Защищённая голосовая связь не работала, поэтому сообщение пришло по коду OPSCODE. В нём было: БРИГАДА НА НОВЫХ ПОЗИЦИЯХ. ОТХОДИТЕ КАК СМОЖЕТЕ. МОЛОДЦЫ, УДАЧИ.

Мы уже начали отход, когда 1-й взвод доложил об очередной атаке через дефиле. Сержант Вест остался на позиции 3-го взвода с двумя крупнокалиберными пулемётами, «Карлом Густавом» и двумя уцелевшими к тому времени бронетранспортёрами противотанкистов, чтобы прикрыть наш отход. Никого из группы прикрытия мы больше не видели.

На обратном пути нас беспощадно бомбили с воздуха. Когда мы наконец добрались до своих войск, у меня оставалось шесть машин и 28 человек, большинство из которых были ранены. Цена была высокой, но, думаю, что в итоге дело того стоило. Основные позиции бригадой были удержаны и наступление противника провалилось.

Полковник на мгновение задумался, глядя в свой пустой стакан, а затем сказал:

— Вот это история. Когда-нибудь вам стоит её записать. Но ничто из сказанного вами не умаляет вашего права носить эту награду. Вам помогали, но именно вы всё организовали в этом бою. Кроме того, Канаде сейчас нужны герои. Надеюсь, вы представили сержанта Веста к награде посмертно?

— Я пытался, — ответил майор, вставая, — но вот в чём вся ирония. Уверен, это просто ошибка компьютера, но армия утверждает, что он никогда не существовал. Я думаю, нам пора возвращаться на вечеринку.

ЭПИЛОГ

Прочитанная вами работа основана на базовых принципах использования пулемётов на современном поле боя. Но что насчёт поля боя завтрашнего дня? Разрабатывая методы для максимально эффективного использования имеющегося у нас сегодня вооружения, мы должны также менять эти методы, чтобы полностью использовать новые огневые средства, которые появятся в будущем. Как профессионалы, мы должны постоянно смотреть вперёд и готовиться к переменам до того, как события нас обгонят. Методы, использованные сержантом Вестом и его молодым командиром роты, сработали для них и, вероятно, сработают для всех нас, если завтра начнётся война. Но будут ли они актуальны через пять лет?

Количество пулемётов в пехотном батальоне, скорее всего, будет расти, а не уменьшаться. Будут разрабатываться новые, более смертоносные и сложные модели. Потребность в обученных пулемётчиках будет только увеличиваться. Идея сделать каждого солдата пулемётчиком уже была опробована и провалилась. Пулемётное дело должно снова стать почётной профессией с чётко закреплёнными штатными должностями пулемётчиков в каждом механизированном пехотном взводе на бронетехнике. Старые идеи умирают тяжело, но организации создаются людьми и могут быть изменены людьми. Нет ничего настолько священного, чтобы не могло быть пересмотрено здравым смыслом. Необходимость детальной и постоянной координации пулемётов роты останется с нами, пока у нас есть пулемёты. У командира роты нет ни времени, ни технических знаний, чтобы выполнять эту роль. Тогда, возможно, стоит ввести должность сержанта-пулемётчика в каждое управление роты?

У нас нет времени долго размышлять над этими проблемами, ведь будущее уже наступило в виде Grizzly WAPC — нашего новейшего пехотного бронетранспортёра⁴⁶. Нет никакого сравнения между наводчиком M113 и Grizzly. Наводчик M113 — это одновременно и командир экипажа, а у Grizzly командир имеет отдельный люк и посадочное место. Наводчик M113 имеет примитивное сидение, одну ленту патронов и полностью открыт для огня противника. Наводчик Grizzly хорошо защищён и сидит в стальной башне с электроприводом. У него два пулемёта, оба удобно расположены для их обслуживания. Он использует оптический прицел с пятикратным увеличением и имеет под рукой 6000 патронов. При всём этом он всё равно может быстро снять оба пулемёта и если потребуются использовать их на земле.

Эти машины уже сходят с конвейера. В течение пары лет все батальоны, не оснащённые M113, получают их. Как мы будем использовать эту новую технику? Изменим ли мы тактику и приёмы, чтобы полностью использовать этот огромный прирост огневой мощи в стрелковом взводе? Пересмотрим ли мы организацию подразделений и программы подготовки, чтобы учесть очевидную необходимость содержания штатных пулемётчиков в экипаже? Или будем

⁴⁶ Канадская версия швейцарского бронетранспортёра Piranha I. По ряду причин заменить M113 так и не смогла, снята с производства в 1982 году, после трех лет выпуска.

продолжать вести себя так, как будто ничего не изменилось? Может быть, когда-нибудь я напишу об этом статью.

